Святые Выборгские и Скандинавские

Выборгская епархия существовала с 1892 по 1923 годы, охватывая всю территорию княжества Финляндии, составной части Скандинавии.

12 марта 2013 года образована самостоятельная Выборгская епархия в составе Санкт-Петербургской митрополии.

Мч.Олаф Щётконунг (Olof Skötkonung), король Швеции, отец св. Анны (память 30 июля)

Улоф (или Олаф) был провозглашен наследником шведского трона еще до своего рождения, после того, как Эрик Победитель изгнал из Швеции Стирбьёрна Сильного.

Во время одного из набегов на землю венедов Улоф захватил в плен Эдлу, дочь местного вождя, которую сделал своей женой. Позже он женился на христианке Астрид.

Улоф был миролюбив, и военным походам он предпочитал рыцарские турниры. Неудивительно, что он потерял право собирать дань с прибалтийских народов и отпустил в Данию Свена Вилобородого. В 1000 г. Улоф объединился со Свеном Вилобородым и норвежскими ярлами Эриком и Свеном против конунга Улафа Трюгвассона. В сражении при Сволдере норвежцы были разбиты, и Улоф получил во владение часть Трёнделага и Бохус. Когда Улаф II восстановил

норвежское королевство, между ним и Улофом Шётконунгом разразилась новая война. В 1018 г. в Уппсалу прибыли норвежские послы Бьёрн Сталларе и Хальте Скеггессон, а также ярл Вестргётланда Рагнвальд Ульфссон. Они попытались склонить шведского короля к миру и договориться о браке его дочери Ингегерды с Улафом II. Возмущенный Улоф пригрозил Рагнвальду высылкой из Швеции, однако на сторону миротворцев встал отчим Рагнвальда "*лагман*" ("законоговоритель") Торгнюр, один из самых мудрых и уважаемых людей в Швеции. Торгнюр напомнил Улофу о его предшественниках, успешно воевавших в Прибалтике и не трогавших Норвегию. Выслушав Торгнюра, Улоф решил согласиться с мнением бондов и отказался от войны с норвежцами. Около 1000 г. Улоф был крещен Зигфридом Святым, и стал первым шведским королем, кто остался христианином до самой смерти. Тем не менее, Швеция по большей части еще оставалась языческой страной, а влияние христианства ограничивалось Вестергётландом. Считается, что Улоф первым из шведских королей начал чеканить свою монету в Сигтуне.

Что касается его дочери Ингегерды, во святом крещении Ирины, то она вышла замуж за русского князя Ярослава Мудрого. В приданое ее отец отдал ей земли от нынешних Сатрой Ладоги до границы Финляндии (современная Ленобласть).

Прп. Благоверная великая княгиня Анна (Ирина) Новгородская (23 февраля)

Святая Анна была дочь шведского короля Олафа Скеткoнунга (Щёткoнунга). На своей родине она исключительно была известна под языческим именем Ингигерды, так как в Швеции, равно как и в других северных странах того времени, еще не было обычая употреблять христианские имена, даваемые при Крещении. Христианским ее именем, которым она исключительно называлась в России, было Ирина. Имя Анны принято ею перед смертью при пострижении в схиму. Время и обстоятельства Крещения ее точно неизвестны. Отец ее, король Олаф, бывший первым христианским королем Швеции, принял Крещение в зрелом возрасте перед 1000 годом в источнике Гусабы, близ города Скары в Западной Готландии, от английского епископа Зигфрида. По одним сведениям, вместе с ним тогда же и крестилось все его семейство, по другим – мать и младший брат святой Анны, следовательно, также и Анна были крещены по приказанию короля (в одно время или разновременно) после 1000 года первым Шведским епископом Турготом, вызванным королем Олафом из Бремена.

Святая Анна принадлежала к самому благочестивому и достойному семейству своего времени. Король Олаф отличался глубокой набожностью, возвышенностью духа и благородством мысли, был мудр и деятелен в делах правления и не имел себе равного по решимости и храбрости на войне. Пылая огнем верности к вере, он в продолжение всего своего царствования с великим воодушевлением и неустанно трудился над христианским просвещением своей языческой страны. Он находился в сношениях по делам веры с римским, английским и германским духовенством и был прозван современниками «христианнейшим королем». Мать святой Анны, королева Эстриди, происходившая из самого знатного рода Швеции, была известна своим выдающимся умом, любвеобильным сердцем и великодушием. Все дети их отличались прекрасной наружностью и высокими духовными дарованиями.

Вопреки господствовавшему тогда обычаю посылать детей на воспитание к родственникам или знакомым, которому следовал и король Олаф по отношению к некоторым из своих детей, святая Анна с детства воспитывалась под кровом и непосредственным влиянием родителей. Вместе с ними она имела пребывание сначала в городе Упсале, затем попеременно то в построенной королем на морском берегу Новой Сигтуне, то в городе Скаре, где находилась кафедра епископа и сосредоточивались главные христианские силы страны. Воспитание на севере отличалось уже в то время некоторой широтой, а положение женщины, тем более королевского дома, – полной свободой. Святая Анна умела читать и писать на своем языке и, несомненно, получила необходимые религиозные познания, была знакома и с областью народной поэзии и поэзии особых певцов – скальдов, обнимавшей тогда и религию, и историю, и философию, и бывшей единственным способом выражения духовной жизни и творчества северных племен: она принимала скальдов у себя и имела случай слушать их при дворе отца, любившего и постоянно державшего при себе наиболее известных поэтов. Святая Анна

принимала участие в народных собраниях и торжествах, присутствовала на приемах при дворе, жила в собственном тереме, где свободно принимала посетителей, владела и самостоятельно управляла собственными поместьями, имела в своем распоряжении многочисленную вооруженную свиту и предпринимала по своему усмотрению поездки по стране. В народных преданиях скандинавского Севера о ней сохранилась память как о женщине самоотверженной, обладавшей добрым сердцем, умной, смелой и предприимчивой, всегда имевшей значительное влияние на ту среду, с которой сближала ее судьба.

Из жизни святой Анны на родине северные предания помнят только об участии ее в установлении мира между Швецией и Норвегией.

В 1000 году после смерти норвежского короля Олафа, сына Триггви, частью Норвегии завладел шведский король Олаф Скетконунг. Вскоре после этого возвратился из морского набега норвежский принц Олаф Гаральдович и провозгласил себя норвежским королем. Началась упорная многолетняя борьба шведов с норвежцами, сильно ожесточившая стороны и сделавшая их взаимное положение невыносимым. Обе страны подвергались время от времени набегам, опустошению, прекратились взаимные сношения, остановилась торговля. Мало-помалу у народов выросло убеждение в необходимости прочного мира, и тем же убеждением проникся и норвежский король, желавший по многим причинам окончания борьбы и дружбы шведского государя. Но осуществлению этих общих желаний препятствовала могучая воля шведского короля, который после многих случаев предательства со стороны своего врага так возненавидел его, что не мог слышать его имени. Чтобы склонить шведского короля к миру, норвежский совет из короля и его сановников решили обратиться к помощи правителя Западной Готландии Рогнвальда, который приходился двоюродным братом шведскому королю и был в то же время родственником по жене Олафу Гаральдовичу. Рогнвальд и его жена Ингибиорга не нашли другого средства, как прибегнуть к содействию и влиянию святой Анны, находившейся с ними в самых близких отношениях. К шведскому двору с поручением по этому делу был послан славный исландский поэт Гяльте. Будучи благосклонно принят королем, Гяльте был представлен и святой Анне в ее тереме и передал ей письмо Ингибиорги. Святая Анна сразу же обещала ему свое покровительство и после нередко советовалась с ним по поводу сообщенного ей плана своих друзей. Когда обстоятельства показали, что поэт своими средствами не в состоянии достигнуть цели, все надежды были возложены на святую Анну. Однажды она решилась прямо просить у отца откровенно выяснить, что он думает относительно прекращения вражды, существующей между ним и норвежским королем. Она указала ему, что многие его подданные страдают от этой войны, одни – потеряв свое имущество, другие – оплакивая убитых родственников и все вообще находясь в постоянной опасности от норвежцев, что сама Норвегия – страна бедная, трудно проходимая, населенная

вероломными и непокорными жителями и не стоящая того, чтобы домогаться ее, что на востоке есть страны, находившиеся некогда под шведской властью и более заслуживающие внимания шведского короля. «Лучше было бы тебе, – сказала она, – уступить Олафу оставленную ему предками землю и заключить с ним мир».

Король с гневом ответил, что он никогда не примет подобного совета и обещал ближайшей же зимой собрать в Упсале народный совет и объявить ему свою непреклонную волю идти на Норвегию с многочисленным войском ранее, чем растает лед. Этот резкий отпор, однако, не остановил святую Анну. Необходимость во что бы то ни стало добиться мира привела ее и Гяльте к новому плану. Святая Анна решила самоотверженно принести себя в жертву и ценою своего брака с норвежским королем установить между ним и отцом желаемые отношения. Она известила письмом жену Рогнвальда о положении дела. То же сделал и Гяльте по отношению других заинтересованных лиц. Скоро было получено согласие норвежского короля на новый план, и Рогнвальд начал тайным образом и с большим успехом набирать ему сторонников среди шведов, созывавшихся шведским королем зимою 1014–1015 гг. на народный совет в Упсале. Осенью, до открытия совета, святая Анна в сопровождении большой свиты и Гяльте выезжала на несколько дней в свое имение близ Упсалы Улларокер и имела продолжительное совещание с прибывшим туда Рогнвальдом. На совет в Упсалу вместе с Рогнвальдом явился Биорн, маршал норвежского короля, в качестве посла последнего. Биорн заявил совету, что он прибыл от своего короля с предложением мира и просьбой выдать за него замуж принцессу Анну. Шведский король было весьма сурово принял это предложение, но ввиду возмущения, поднявшегося на совете вследствие его упорства, принужден был уступить общему желанию и дал свое согласие.

Свадьба норвежского короля была назначена на ближайшее лето 1015 года. Согласно условию, жених с пышной свитой прибыл на границу в Консгеллу при Богуслене, но большую часть лета напрасно ждал своего соседа и невесту. Никто, даже Рогнвальд, не знал, почему замедлил шведский король. Между тем шведский король, оскорбленный насилием, употребленным над ним в Упсале, придумывал меры, как бы не исполнить данного против воли обещания. Воспользовавшись одним случаем, он положительно объявил дочери, что никогда не выдаст ее за норвежского короля и что выдаст ее только за такое лицо, которое будет достойно его дружбы. Святая Анна поспешила известить об этом Рогнвальда, советуя ему быть готовым к открытию вновь враждебных действий. Олаф норвежский пришел в великий гнев при этой вести и решил к следующей зиме начать войну. Вскоре после того Рогнвальд получил письмо святой Анны, извещавшее, что она обещана отцом новгородскому князю Ярославу Владимировичу. В то же время к Рогнвальду прибыла сестра святой Анны Астрида. Норвежская партия условилась довести до конца задуманный ранее план, предоставив роль святой Анны ее сестре. Зимой 1015–1016 гг. Астрида была тайно

выдана Рогнвальдом за норвежского короля, после чего сам собою установился мир между двумя державами.

Послы Ярослава с просьбой руки Анны-Ингигерды прибыли к шведскому королю из Новгорода летом 1015 года. Король «немедленно же и охотно» согласился на этот брак. По каким побуждениям и при каких обстоятельствах возникла мысль об этом союзе, определенно неизвестно. В 1014 году, как говорит русский летописец, Ярослав отказался платить святому Владимиру дань от Новгорода, и Владимир стал собираться в поход против сына. В 1015 году Ярослав посылал за море за варягами и получил оттуда большой отряд, и только болезнь и затем смерть крестителя Руси предотвратили междоусобие. По-видимому, «боясь отца», с которым он не мог бороться один, Ярослав задумал о тесном союзе с шведским королем, а таким союзом удобнее всего мог быть брак. Как будущий зять Олафа, он мог пользоваться от него помощью войсками или, по крайней мере, получить дозволение беспрепятственно набирать их в его земле. После смерти Владимира то же самое побуждение осталось в силе ввиду возникшей борьбы со Святополком Окаянным.

Весной 1016 года Ярослав прислал из Новгорода своих послов для окончательных условий относительно предположенного брака. По требованию святой Анны послы согласились именем своего князя дать ей в вено (приданое) город Ладогу и прилежащую к нему область с правом лично управлять этим веном и назначать над ним управителя. Затем она поставила условием разрешить ей выбрать в Швеции для сопутствования себе лицо, которое она найдет для того достойным, и обеспечение для него на Руси того сана, власти и почестей, какими он пользуется на родине. Король и послы изъявили на это свое согласие и утвердили весь договор своими присягами. Когда король спросил святую Анну, на кого падает ее выбор, она назвала Рогнвальда Ульфовича. Это было противно намерениям короля, который хотел казнить Рогнвальда за выдачу Астриды за Олафа Норвежского, но по просьбе святой Анны договор остался в силе. Она известила о всем Рогнвальда и назначила ему время и место для встречи. Соединившись с ним, святая Анна, с которой была большая свита и богатое приданое, летом отплыла на Русь.

Сведения о святой Анне за время жизни ее в нашей земле очень скудны и отрывочны. Несколько данных о ней за первые годы пребывания ее в новом отечестве сообщает норвежское сказание о подвигах на Руси норвежского отряда Эймунда и Рагнара, прибывшего в Новгород для службы у князя Ярослава в конце лета или в начале осени того же года, когда приехала туда и святая Анна. По приходе отряда Эймунд и Рагнар были на приеме у князя и княгини, причем княгиня вела с ними разговор о норвежских делах и норвежском короле. Княгиня произвела на предводителей самое хорошее впечатление своим решительным характером и общительностью. Первое время службы отряда княгиня была очень щедра и благосклонна к нему. После первой войны со Святополком эти отношения

несколько изменились к худшему и в конце концов князь и княгиня вынуждены были вступить в борьбу с наемниками. Когда воины резко порвали с Ярославом и собирались ехать к его противнику князю Брячиславу Полоцкому, святая Анна сама лично вместе со своим родственником Рогнвальдом сделала попытку силой остановить их и при этом едва не попала в плен. Во время последовавших затем войн норвежцы были на вражеской стороне. Сказание отмечает большое влияние святой Анны на дальнейший ход дела и на великого князя Ярослава, которого она будто бы иногда сопровождала на войну. Ее непосредственному вмешательству приписывается и окончание продолжительной борьбы с Брячиславом. Вмешательство это произошло, по сказанию, в самой необычайной обстановке. Когда войска Ярослава и Брячислава стояли в нерешительности одно перед другим, Эймунд составил план: взять в плен святую Анну, которая должна была приехать в стан Ярослава, рассуждая, что она едет помогать неприятелю своими советами. Однажды ночью он и Рагнар подстерегли великую княгиню и, убив под ней коня и разогнав конвой, взяли ее в стан Брячислава. Увидав себя в руках норвежцев, княгиня воскликнула: «Вы, северные люди, видно, никогда не перестанете обижать меня!»

На следующее утро она призвала Эймунда и высказала желание служить посредницей для заключения мира, откровенно предупредив вместе с тем, что она всего более будет заботиться о выгодах князя Ярослава. Получив согласие на посредство со стороны мужа и Брячислава, она участвовала в выработке мирных условий, которые потом и были приняты. Вместе с заключением мира восстановились хорошие отношения ее с норвежцами.

В этих подробностях можно видеть отражение того положения, которое святая Анна занимала в бытность свою в России по отношению к северным единоплеменникам, во множестве заезжавшим на Русь и нередко чинившим здесь насилия над населением. Очевидно, княгиня совершенно сроднилась с интересами нового отечества и мужа и в своих отношениях к северянам руководилась только ими, а не племенным родством. Несомненно, отчасти ее личному влиянию и семейным связям нужно приписать установление тех постоянно мирных и дружеских связей Руси с правительствами и народами Швеции и Норвегии, которые особенно окрепли после ее прибытия в нашу землю и не прерывались более. Во всяком случае в этих дружественных связях весьма видное положение занимают именно родственники святой Анны, например, брат ее Иаков, долгое время служивший на Руси, муж ее сестры норвежский король Олаф и трое сыновей Рогнвальда.

Судя по русским летописям, святая Анна, прибыв в Новгород летом 1016 г., недолго пробыла там. В конце того же года княжеский двор был перенесен в Киев. В 1018 году, во время бегства Ярослава в Новгород, она была осаждена Болеславом Польским и Святополком в Киеве, но, по-видимому, успела избежать плена. С

этого времени двор находился то в Киеве, то в Новгороде (1023–1026, 1030, 1034, 1045 гг.). В Новгороде в 1056 г. святая Анна и скончалась.

На севере Руси, согласно брачному договору, в распоряжении святой Анны находилась обширная волость – город Ладога с принадлежащей к нему областью. Непосредственное управление этой областью княгиня поручила Рогнвальду Ульфовичу, который летом находился в волости, а зимою в Новгороде. Каковы были пределы этой области, неизвестно, но можно предполагать, что они совпадали с тем, что известно теперь под названием Ингерманландии. Название «Ингерманландия», по финскому произношению «Ингеринмаа», в переводе означает «земля Ингигерды» и ведет свое происхождение, по всей вероятности, именно от имени супруги Ярослава. Посещала ли сама святая свои владения, об этом нет сведений, но сохранившиеся до настоящего времени названия находящихся на территории Ингерманландии местечек, например, приход Ингерис, или Ингрис, и река Ингериниока (русская Ижора), происходящие от того же корня, что и территориальное название, могут объясняемы как названия, явившиеся вследствие того, что в известных местах святая Анна или ее наместник имели жительство, поместье или временную остановку во время путешествия.
По владениям святой Анны пролегал главный торговый и военный путь с севера на юг – «из варяг в греки», а город Ладога был передовой русской крепостью. С этих владений платилась определенная дань великому князю.

Святая Анна была матерью многочисленного семейства, состоявшего не менее, чем из семи сыновей и трех дочерей. О благочестии матери и христианской настроенности воспитанных ею детей современный духовный оратор Иларион (впоследствии Киевский митрополит) так свидетельствовал, обращаясь к святому Владимиру в своем торжественном слове, произнесенном, может быть, в присутствии самой великой княгини: «Посмотри... на благоверную сноху твою Ирину; посмотри и на внуков и правнуков твоих, как они живут, как Господь хранит их, как содержат они благоверие, тобою преданное, как часто посещают святые храмы, как славят Христа, как поклоняются Его имени».

Указание на высокий внутренний строй жизни этой семьи можно видеть отчасти в предсмертных словах великого князя Ярослава детям, в которых он увещевает их сохранять по-прежнему взаимную любовь и послушание старшим. Летописец передает эти слова так: «Дети мои, имейте друг ко другу любовь, ибо вы братья одного отца и матери... пребывайте в мире, творя послушание брат брату. Киев поручаю старшему... слушайтесь его, как меня слушались». Один из сыновей святой Анны, Владимир, удостоился причисления к лику святых.
Кроме собственных детей, святая Анна имела материнское попечение и о чужих детях-сиротах. Таковы были изгнанные из Англии дети короля Эдмунда Эдвин и Эдуард и сын норвежского короля Олафа Магнус. После смерти Олафа друзья последнего пришли к Ярославу просить Магнуса на отцовский престол. Святая Анна отказалась отпустить с ними своего воспитанника до тех пор, пока

действительно не будет обеспечено для него возвращение престола и всей дедины и отчины. По требованию ее и Ярослава норвежцы прислали торжественное посольство, заключили особое условие и только после этого им был выдан Магнус. В 1037 году в честь Ангела святой княгини был построен в Киеве близ Софийского собора женский Ининский монастырь. Это был великокняжеский монастырь, построенный на великокняжеское иждивение. Управление такими монастырями, устройство и снабжение всем необходимым, по обычаю того времени, заимствованному у византийского императорского дома, принадлежало его строителям. Нет сомнения, что святая Анна имела самое близкое отношение к монастырю, созданному в честь ее Ангела. С именем святой Анны соединено также построение великой новгородской святыни – храма Святой Софии. Храм этот был заложен в 1045 году, вероятно, в присутствии самой княгини, так как есть известие, что в этом году Ярослав, несомненно с супругой, был в Новгороде и выдал там замуж за норвежского принца Гаральда свою дочь Елизавету. В какой мере княгиня участвовала в этой постройке, производившейся главным образом ее сыном Владимиром и законченной после ее смерти, неизвестно.

В иноземных известиях имя святой Анны (Ингигерды) упоминается еще по поводу пребывания на Руси норвежского короля Олафа и норвежского принца Гаральда Гардрада. О короле Олафе говорится, что по прибытии в Россию он был хорошо принят святой Анной, что она весьма уважала его, вместе с Ярославом даже уговаривала его не возвращаться в Норвегию и, когда он все-таки отправился в свою страну, участвовала в устроенных ему пышных проводах. О Гаральде сообщается, что он находился под особым покровительством святой Анны и что, много лет находясь в экспедиции в Африке, присылал собранные сокровища для хранения князю Ярославу и его супруге.

Кончина святой Анны последовала 10 февраля 1056 г. в Новгороде. Перед смертью она приняла схиму с именем Анны, обнаружив тем свое глубокое благочестие и истинно христианское смирение.

Мощи святой Анны, вероятно, по окончании Софийского собора (в 1052 г.), были положены в какой-либо паперти последнего. Позднее они всегда упоминаются вместе с мощами сына ее святого Владимира, погребенного в том же соборе. По сообщению летописи, в 1439 году архиепископ Евфимий позолотил, подписал и покрыл покровами гробы святых князя и княгини.

В описи Новгородского Софийского собора XVII века значится: «В середней паперти от Корсунских дверей, идучи в церковь налево, среди паперти, два гроба древяны, а в них мощи во плоти создателей храма Святой Софии Премудрости Божией – благовернаго князя Владимира, а в другом гробе матере его благоверныя княгини Анны. На обеих гробех покров сукна червлена, а на них шиты кресты камки белой, перед ними во главех лампада медяна на стояльце; в царском месте (в главном храме) образ пядница, на ней писан благоверный князь

Владимир и мати его Анна, обложен серебром, золочен». В другой подобной же описи того же века упоминаются «каменные» гробы святых князя и княгини.

В 1653 году мощи святой Анны по указу царя Алексия Михайловича и по благословению патриарха Никона и митрополита Новгородского Макария были перенесены из Корсунской паперти в собор, на левую сторону против северных дверей, и переложены в новую раку. В настоящее время святые мощи почивают в Мартириевской паперти в бронзовой золоченой раке.

Память святой Анны совершается 10/23 февраля и 4/17 октября. Память 4 октября установлена Новгородским архиепископом Евфимием в 1439 году во исполнение воли Божией, возвещенной ему в видении. Царь Иоанн Грозный жалованной грамотой 1556 года предписывал: «Да по благоверном великом князе Владимире Ярославиче да по матери его благоверной великой княгине Анне, на память их, служити панихиды и обедни соборне и по приделом и на панихидах и за просфоромисанием и на Божественных литургиях и в ектениях в заупокойных поминати их, докуду мир стоит». В одной описи Новгородского Софийского собора XVII века сказано, что мощи князя Владимира и матери его почтены от Бога нетлением, лежат в «каменных гробех всеми видими, а пение им не установлено, а исцеление бывает с верою приходящих». В письменном уставе Новгородского Софийского собора XVII века положена панихида у гроба святой Анны еще 5 сентября.

В древнее время память 4 октября совершалась с большой торжественностью. О праздновании в Софийском соборе были особо извещаемы настоятели некоторых новгородских монастырей, а некоторые из них обязаны были явиться сами. Государев кормовой двор выдавал для вечерни два ведра меду для кутьи, которую ставили по гробам святителей, князей и княгинь. После вечерни святителем совершалась в соборе в присутствии государева большого дьяка панихида с поминовением государевых прародителей. В то же время настоятели и поповские старосты служили особые панихиды на княжеских и святительских гробах, в Корсунской паперти – благовещенский игумен; в Мартириевой – отенский. Для литургии снова выдавался мед для кутьи. После литургии от государя устраивались обеды для светских и духовных лиц.

Святой Анне составлена рукописная служба, и в честь нее с сыном в Софийском соборе устроен придел.

Мч. Олаф II Харальдссон (Olaf II Haraldsson), король Норвегии

Покровитель г. Выборг и Выборгской епархии.

Олаф II Харальдссон, Святой[1] (995 — 1030), король Норвегии. Память 11 августа (Кельт. и Брит., Сканд., Конст.)

Сын Харальда Серого Плаща, потомок Норвежского короля Харальда I. Был викингом, с молодости участвовал во многих морских походах. В 1009-1011 годах и в 1013 году сражался в Англии – вначале с англо-саксами, а затем с датчанами. В эти годы он принял крещение — по одним данным это случилось в 1013 в Руане, по другим — в Новгороде или Киеве. В скандинавских сагах имеются сведения о пребывании малолетнего Олафа в Новгороде, влияние Олафа или его соратников усматривается в появлении каменных "кельтских" крестов на Севере Руси — они найдены в Куппала и на о. Кильпола над захоронениями, имеется такой крест и в Новгородском Софийском соборе. В своих походах он побывал также в Нормандии, Испании и Святой Земле.

В 1016 году Олаф вернулся в Норвегию и при Несьяре нанес поражение ярлу Свену, фактическому правителю Норвегии. Олаф сделался королём и установил мирные отношения со Швецией и Данией, сосредоточив в своих руках куда больше власти, чем кто-либо из его предшественников. Король преобразовал управление Норвегией. Самым важным его делом было распространение в своём королевстве Христианства. Основанная при нём первая православная церковь Норвегии в Нидарусе (ныне Тронхейм) была освящена во имя святого Климента, папы Римского. Так как этот святитель особо почитался на Руси, можно предполагать что именно оттуда король Олаф научился чтить святого Климента. Со временем Олаф восстановил против себя мелких норвежских вождей, которые попытались сместить его, призвав на помощь Кнута Великого. В 1028 году Олаф с малолетним сыном Магнусом бежал на Русь, где нашел пристанище у великого

князя благоверного Ярослава Мудрого. Оставив сына на попечении русского князя и его супруги Ирины в 1029 году Олаф вернулся в Норвегию и попытался отвоевать свое королевство. 29 июля 1030 года при Стиклестаде близ Вердала он потерпел поражение от превосходящих сил норвежского ополчения и датских войск. Король был сражён в битве.

После смерти короля Олафа над Норвегией установилась власть датчан, которые обложили страну большим налогами. Признав свою вину и простив Олафу былые обиды, норвежцы с почестями погребли тело короля-мученика в Нидарусе, в соборе во имя святого Климента, папы Римского. После своей смерти павший король прославился многочисленными чудесами и стал почитаться как святой. Церкви в его честь появились и в России — в Новгороде и Старой Ладоге. После отпадения Западной Церкви от Православия, почитание короля сохранялось в римо-католицизме. В 1164 году короля Олафа первым из норвежцев канонизировали. Неугасимая память об Олафе Святом как о герое и небесном покровителе народа оставалась в Норвегии и после подмены римо-католицизма лютеранством как господствующей религией. В 1847 году в память о нем был учрежден Орден св. Олафа. Возрождение православного почитания святого на его родине связано с новейшей историей — так, в 2003 году была освящена в его имя православная часовня на хуторе "Стейнхауген горд" в поселке Фоллдал; в 2014 году, в связи с празднованием тысячелетия крещения святого, на месте его упокоения в Стиклестаде была освящена ещё одна православная часовня. В конце 2016 года археологи Норвежского института культурного наследия обнаружили в Тронхейме фундамент церкви святого Климента, где был расчищен прямоугольный каменный алтарь в котором, предположительно, находятся мощи святого Олафа.

Прп. Арсений Коневецкий.

Преподобный Арсений Коневский родился в Новгороде Великом. Он был ремесленником, ковцом по меди. В 1373 году поступил в Новгородский Лисицкий монастырь, где принял монашество с именем Арсений.

Одиннадцать лет прожил молодой инок в обители, проходя различные послушания. Стремясь к еще более высоким духовным подвигам, преподобный Арсений ушел на Святую Гору Афон. В одном из афонских монастырей он был 3 года, занимаясь изготовлением посуды из меди для афонских монахов; много времени преподобный Арсений посвящал молитве.

Когда настало время возвращения на Русь, игумен Иоанн благословил его иконой Пресвятой Богородицы, впоследствии получившей наименование Коневской, и передал подвижнику общежительный устав. Дальнейший подвиг преподобный Арсений проходил на Валааме. Часто взывал инок ко Господу, молитвенно просил он указать место для устроения новой обители. И однажды, когда он находился в море, случившаяся буря принесла его к острову Коневец, что на Ладожском озере. Здесь по промыслу Божию преподобный Арсений поставил крест и, оставшись для подвигов, построил часовню в 1393 году. После пятилетнего подвига в скиту преподобный Арсений преобразовал его в 1398 году по благословению Новгородского архиепископа Иоанна (1389–1415) в общежительный монастырь, где построил храм в честь Рождества Пресвятой Богородицы.

Впоследствии, при архиепископе Симеоне (1416–1421), угодник Божий вновь посетил Святую Гору Афон, где испросил молитв и благословения для своей обители.

Оставшиеся без игумена братия монастыря стали претерпевать различные лишения и хотели разойтись. Но живший неподалеку старец Иоанн постоянно молился о них на вершине острова. Матерь Божия явилась ему в сонном видении и утешила: «Скажи сетующим братиям, что Арсений скоро доставит им всякое продовольствие».

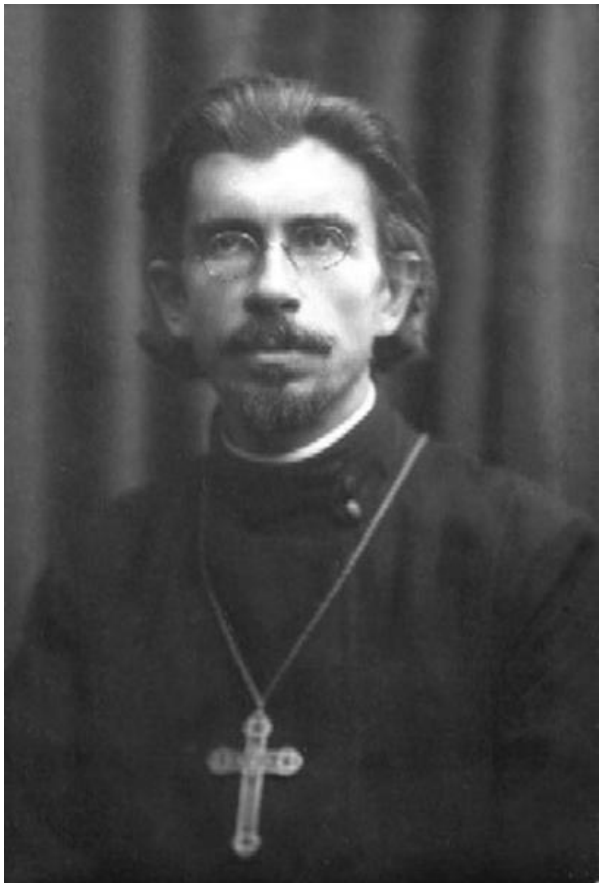
Действительно, преподобный Арсений скоро возвратился и привез все необходимое. В 1421 году после разлива Ладожского озера братия вынуждены были перейти на новое место на том же острове. Под мудрым руководством преподобного Арсения обитель вновь духовно процвела. Новгородские архиереи не оставляли иноков обители без своей помощи.

Особое усердие проявил святитель Евфимий II (1434–1458). В 1446 году он посетил обитель и, кроме щедрых пожертвований, подарил преподобному Арсению свой клобук. Так, «евангельски подвизаясь», святой Арсений 12 июня 1447 года «возшел к горнему торжеству» на руках любящей братии и был погребен в монастырском храме.

Преподобный Арсений почитается как покровитель моряков. Так, однажды он спас от гибели старца Моисея с рыбаками. Застигнутые бурей, рыбаки

молились Господу; явившийся святой осенил их мантией, и лодка благополучно пристала к берегу. Житие преподобного Арсения было написано в XVI веке Коневским игуменом Варлаамом. В 1850 году житие было издано вместе со службой и похвальным словом.

Свщмч. Александр (Хотовицкий)



Новомученик российский Александр Хотовицкий родился 11 февраля 1872 года в городе Кременце в благочестивой семье ректора Волынской духовной семинарии протоиерея Александра, память о котором как о добром пастыре долго хранилась в сердцах православных жителей Волыни. Родители дали отроку доброе христианское воспитание, внушили ему любовь к Православной Церкви и народу Божию.

Образование будущий пастырь получил в Волынской семинарии и Санкт-Петербургской духовной академии, которую закончил магистрантом в 1895 году. По окончании академии он был направлен на миссионерское служение в Алеутскую и Североамериканскую епархию, в Нью-Йорк, где занял место псаломщика при только что отстроенном православном храме святителя Николая. После брака с воспитанницей петербургского Павловского института Марией Щербухиной священномученик Александр был рукоположен в сан

диакона, а вскоре, 25 февраля 1896 года, во пресвитера епископом Алеутским Николаем (Зиоровым), о котором отец Александр вспоминал всегда с благодарностью и любовью.

Хиротония состоялась в кафедральном соборе епархии в Сан-Франциско. В своей речи к новопосвященному епископ Николай так объяснил свой выбор ставленника: "Твоя особенная порядочность и благовоспитанность, твой благородный идеализм, твоя религиозность сразу расположили меня к тебе и заставили меня выделить тебя из ряда других молодых людей, которые бывали с тобою у меня в Петербурге. Я увидел, что ты имеешь ту искру Божию, которая всякое служение делает воистину делом Божиим и без которой всякое звание превращается в бездушное и мертвящее ремесло. Первый твой опыт в проповедничестве мог убедить тебя, что значит это воодушевление: ты сам видел, как собирались около тебя люди, чтобы послушать тебя, и с каким напряженным вниманием выстаивали они не один час во время твоих бесед. Почему же эти люди слушали тебя, а не шли к другим проповедникам? Ясно почему: та искра Божия, которая горит в тебе, подобно магниту, влечет к тебе сердца этих людей".

Через неделю по рукоположении юный священник возвратился в Нью-Йорк, чтобы стать там настоятелем прихода, где ранее нес послушание псаломщика, С 1898 по 1907 год новомученик Александр совершал пастырское служение под омофором святителя Тихона. Святой Тихон, которого в трагический для России 1917 год Промысл Божий возвел на Первосвятительский Престол Московских Патриархов, высоко ценил сердечное благочестие, дар пастырской любви и всестороннюю богословскую образованность отца Александра. Поприще его деятельности в Соединенных Штатах было весьма широким и многоплодным: он с успехом совершал миссионерское служение, главным образом, среди эмигрантов-униатов, выходцев из Галиции и Карпатской Руси, он был также одним из ближайших помощников архипастырей православной Америки, представляя Православную Церковь в американских религиозных учреждениях и собраниях.

Миссионерский труд отца Александра был сопряжен со многими искушениями и скорбями. Архиепископ Платон (Рождественский), впоследствии митрополит, воздавая страстотерпцу Александру дань благодарности за понесенные им в Америке труды, в слове, произнесенном за Божественной литургией при прощании с отцом Александром 26 февраля 1914 года, среди прочего сказал "Был в моей и твоей жизни день, когда поутру ты, придя ко мне в комнату, много не говоря, открыл свою сорочку на груди и показал мне синеющую там огромную ссадину с кровью. То была рана от палки какого-то изувера, в диком озлоблении бросившегося на тебя после того собрания русских людей, на котором ты увещевал родных по крови братий отречься от пагубной унии с Римом. Все мое существо содрогнулось тогда от охватившего меня волнения, предо мною был факт исповедничества за Христа.

Трудами отца Александра были созданы православные приходы в Филадельфии, Юнкерсе, Панайке и других больших и малых городах Северной Америки. Прихожанами этих храмов были как православные по рождению люди, которых судьба занесла в Новый Свет так и обращенные из униатства русины и присоединившиеся к Православной Церкви выходцы из протестантов.

Серьезный вклад в дело свидетельства истины Православия инославному американскому обществу внес выходивший под редакцией отца Александра на английском и русском языках "Американский Православный Вестник". В этом журнале регулярно печатались статьи редактора.

Новомученик Александр принял деятельное участие в создании епархиального Православного общества взаимопомощи, исполняя в разное время обязанности его казначея первого секретаря и председателя. Общество оказывало материальную помощь австрийским русинам, македонским славянам, русским воинам в Маньчжурии и российским военнопленным в японских лагерях.

Отец Александр взял также на себя подвижнический труд по созданию в Нью-Йорке вместо малого приходского храма замечательного в архитектурном отношении грандиозного собора святителя Николая, ставшего украшением города. Собирая средства на сооружение собора, он объезжал православные общины Америки, с этой же целью побывал в 1901 году на родине, в России. В летописи храма святителя Николая, ставшего в 1903 году кафедральным собором, запечатлено: "Основан и создан сей кафедральный собор в городе Нью-Йорке, в Северной Америке, иждивением, заботами и трудами всечестнейшего кафедрального протоиерея отца Александра Хотовицкого в лето от Рождества Христова 1902-е".

26 февраля 1906 года православная Америка праздновала десятилетие священнического служения одного из своих самых замечательных пастырей протоиерея Александра. Поздравляя юбиляра, святитель Тихон сказал "Когда ты вспоминаешь в годовщину свое посвящение во иерея Божия, то невольно задаешься мыслью о том, как ты употребил данный тебе от Бога талант, не вотще ли была благодать Божия на тебе, как далеко ты ушел по пути нравственного усовершенствования. Ты при этом производишь сам себе суд, но тут ты являешься сам и судьей и судимым. А для правильности суда требуется выслушать голоса людей посторонних свидетелей. Вот они и выступают пред тобою: прислушайся же к их голосу! Благодарение Господу! Сейчас мы выслушали пространное и воодушевленное свидетельство их в похвалу тебе. Со своей стороны, как начальник твой, могу свидетельствовать, что ты оправдал доверие и чаяния, которые возлагались на тебя при твоем посвящении".

Самоотверженное пастырское служение новомученика Александра в Америке знаменательным образом закончилось ровно через 18 лет по его рукоположении а сан пресвитера - 26 февраля 1914 года. В прощальном своем слове отец Александр сказал: "Прощай, родная мать моя, святая Американская

Церковь, Православная американская Русь. До земли склоняется пред тобою сыновним поклоном вечно благодарный тебе сын твой. Ты меня родила духовно, ты взрастала меня, от недр твоих ты силой своей вдохновила меня. Исповедничеством насадителей твоих облистанная, апостольством проповедников твоих озаренная, ревностью верных чад твоих облагоуханная, - величайшее счастье дала ты мне, - быть сыном твоим!.

С 1914 по 1917 годы отец Александр нес священническое служение в Гельсингфорсе (Хельсинки), в Финляндии, где большинство составляли протестанты. Хотя Финляндия и входила тогда в состав Российской Империи, но православному духовенству приходилось там проявлять большие усилия, чтобы оградить православных карел от прозелитической экспансии со стороны финских лютеран. В Финляндии новомученик Александр был верным деятельным и самоотверженным помощником своего архипастыря Сергия (Страгородского), впоследствии Патриарха.

В августе 1917 года протоиерей Александр был переведен в Москву с назначением ключарем кафедрального храма Христа Спасителя. В Москве он вновь оказался под ближайшим началом святого Тихона, с которым тесно сблизился еще в Америке.

Страстотерпец Александр участвовал в деяниях Поместного Собора 1917–1918 годов. Когда на Соборе обсуждался вопрос о составлении послания к православной пастве по поводу выборов в Учредительное Собрание, он высказался за то, чтобы в дни, когда решается судьба России, Церковь в лице Собора не устранялась от борьбы за спасение Отечества. Говоря о церковно-строительных трудах Собора, о разрабатываемых им предначертаниях по налаживанию и оздоровлению внутрицерковной жизни, он не без горечи сказал: "Похоже на то, как если бы в руках смотрителей какого-либо здания кипела работа по изготовлению чертежей, проектов и т. д. для наилучшего сооружения, и они спокойно смотрели бы в то же время, как кирпич за кирпичом вражеской рукой это же здание разрушается".

В трудные годы междоусобной войны новомученик Александр был одним из ближайших помощников святого Тихона по управлению Московской епархией. В 1918 году при храме Христа Спасителя под духовным окормлением его настоятеля протоиерея Николая Арсеньева и ключаря отца Александра было учреждено братство. В самом начале своей деятельности братство обратилось к православной пастве с воззванием, в составлении которого участвовал и отец Александр. В этом документе говорилось: "Русские люди! Храм Христа Спасителя - краса Москвы, гордость России, радость Православной Церкви, - обречен на медленное разрушение. Ему, этому славному памятнику великих подвигов русских богатырей, положивших душу свою за родную землю и святую веру православную, отказано в государственной поддержке. Русские люди! Ужели отдадите вы чудесный храм Спасителя на посмеяние? Ужели правду утверждают

гонители Святой Церкви, будто русские люди уже не нуждаются в святынях - храмах, таинствах, богослужениях, будто все это пережитки и суеверия? Отзовитесь, богомольцы! Отзовитесь, все как один! Встаньте на страже своих святынь! Щедрые жертвы богатых да сплетутся в добром порыве с драгоценными грошиками верующей бедноты. Сердце России, Москва! Сбереги свою святыню, свой храм Спас златоглавый!" В ответ на этот призыв православные жители Москвы вступали в братство храма Христа Спасителя и приносили свою лепту на содержание величественного храма.

Пастырское служение в те годы сопряжено было со многими скорбями и опасностями. В мае 1920 и в ноябре 1921 года отец Александр подвергался кратковременным арестам. Его обвиняли в нарушении декрета об отделении Церкви от государства и школы от Церкви, - в преподавании Закона Божия детям. Тяжелые испытания обрушились на Церковь в 1922 году, когда, под предлогом помощи голодающим, проводилось насильственное изъятие церковного достояния, в том числе священных сосудов, икон и других святынь. Православная Церковь, по призыву своего святого Предстоятеля, щедро жертвовала на голодающих. Но когда святой Тихон в обращении к своей всероссийской пастве высказался против соучастия священнослужителей в запрещенной канонами выдаче священных сосудов для нецерковного употребления, началась кампания печатной клеветы на Церковь, арестован был ее Предстоятель, по всей России прокатилась волна процессов по обвинению служителей Алтаря Господня в контрреволюционной деятельности. На этих процессах многие из верных чад Христовой Церкви были приговорены к смертной казни и пролили кровь как священномученики и мученики.

В скорбные для Церкви дни отец Александр неукоснительно руководствовался обращением к пастве святого Патриарха и его указаниями. В храме Христа Спасителя проводился сбор для помощи голодающим. В то же время предпринимались усилия к тому, чтобы сохранить святыни храма. На квартире отца Александра проходили заседания клириков и прихожан храма Христа Спасителя, на которых вырабатывалась резолюция приходского собрания по поводу правительственного декрета.

В проекте резолюции, составленном отцом Александром, был выражен протест против насильственного изъятия церковных ценностей. Собрание прихожан, созванное 23 марта 1922 года, уже после ареста новомученика Александра, в храме Христа Спасителя под председательством протоиерея Николая Арсеньева, приняло окончательный текст резолюции, в котором от правительства затребованы были гарантии, что все пожертвования будут действительно обращены на спасение жизни голодающих. Участники собрания протестовали против печатной травли Церкви, против оскорблений иерархии. Составление этого документа власти расценили как преступное контрреволюционное деяние.

После двух противоцерковных процессов, - в Петрограде и Москве, закончившихся казнями священномучеников и мучеников, - 27 ноября 1922 года в Москве открылся новый громкий процесс против духовенства и мирян, которые обвинялись в том, что они будто бы "пытались удержать в своих руках церковные богатства и на почве голода свалить советскую власть".

На скамью подсудимых посадили 105 священнослужителей и мирян. Среди главных обвиняемых были благочинный 2 отдела Пречистенского Сорока протоиерей Сергий Успенский, настоятель храма Христа Спасителя протоиерей Николай Арсеньев, ключарь храма протоиерей Александр Хотовицкий, священник храма Христа Спасителя Илия Громогласов, смотритель этого же храма Лев Евгеньевич Анохин, настоятель церкви Иоанна Воина протоиерей Симеон Голубев.

Значительная часть обвинительного заключения, представленного суду, касалась деятельности клириков и прихожан храма Христа Спасителя. "Главными организаторами и руководителями этой преступной деятельности, - говорилось в обвинительном заключении, - явились в этом районе Председатель совета общин священник Хотовицкий, настоятель храма священник Арсеньев, священник Зотиков, священник Громогласов, бывший присяжный поверенный Каютов, бывший товарищ министра Щепкин, торговец Головкин и инженер Анохин. С появлением декрета ВЦИК об изъятии церковных ценностей они начали свою подготовительную деятельность под руководством священника Хотовицкого, который неоднократно и тайно собирал у себя в квартире означенных выше лиц и совместно с ними вырабатывал меры, которые предполагалось предпринять в целях осуществления преступного намерения".

Судебные заседания продолжались в течение двух недель. После оглашения пространного обвинительного заключения начался допрос обвиняемых. Священник Александр на допросе держался ровно, спокойно, старался выгородить других обвиняемых. Виновным себя он не признал, заявил: "Я полагаю, что нет контрреволюционности в том, чтобы просить о замене церковных ценностей соответствующим металлом".

После допроса всех обвиняемых и свидетелей на судебном заседании 6 декабря зловеще знаменитый впоследствии прокурор Вышинский произнес обвинительную речь. Он просил суд приговорить к смертной казни 13 обвиняемых, и среди них протоиереев Александра Хотовицкого, Сергия Успенского, священника Илию Громогласова, игумению Новодевичьего монастыря Веру (Побединскую), А. Е. Анохина. Других обвиняемых Вышинский просил осудить на разные сроки тюремного заключения,

11 декабря обвиняемым была предоставлена возможность сказать последнее слово. В своем последнем слове отец Александр прежде всего попытался снискать у суда снисхождения и милость к своим собратьям: "Прошу обратить внимание на тех, которые были у меня на собрании; одни из них старики, а другие - совсем

молодые и ни в чем не виновные. Собрание у меня было самое обыкновенное, оно не являлось контрреволюционным и не имело характера темного заговора".

Самое пространное последнее слово было сказано профессором священником Илией Громогласовым. В нем обвиняемый пытался расположить к себе суд рассказом о своей прежней оппозиции к Святейшему Синоду. По материалам обвинительного заключения он сказал, что ему "ничего не было известно о преступной организации, во главе которой стоял Хотовицкий".

13 декабря был оглашен приговор революционного трибунала. Он оказался более мягким, чем кровожадные приговоры, вынесенные на петроградском и первом московском процессах по делам об изъятии церковных ценностей. Главные обвиняемые - игумения Вера (Побединская), протоиерей Сергий Успенский и протоиерей Александр Хотовицкий были приговорены к лишению свободы сроком на 10 лет, конфискации имущества и поражению в правах на 5 лет. Других осудили на меньшие сроки тюремного -заключения. Ходатайства о помиловании, поданные осужденными на особенно длительные сроки тюремного заключения, в том числе протоиереем Александром, были отклонены Президиумом ВЦИК 16 февраля 1923 года.

После возвращения святого Патриарха Тихона к управлению церковному и ряда его заявлений о лояльности государственной власти многие из архипастырей, пастырей, церковных деятелей и рядовых мирян, осужденных трибуналами по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, были амнистированы. В октябре 1923 года освободили из-под стражи и отца Александра. После освобождения он не имел штатного места ни в одном из приходов и служил по приглашению в разных московских церквах.

Но на свободе он оставался не долго. Уже 4 сентября 1924 года Е. Тучков, начальник 6 отдела ОПТУ, составил список из 13 священнослужителей и церковных деятелей Москвы, которых он рекомендовал подвергнуть административной ссылке. Новомученику Александру, включенному в список, дается в этом документе такая характеристика; "Поп-проповедник с высшим образованием, очень активный, резок и пользуется влиянием на тихоновцев. Настроен антисоветски". 9 сентября 1924 года новомученик Александр был подвергнут допросу. "По своим религиозным убеждениям, - сказал он на допросе, - я причисляю себя к тихоновцам. С Патриархом кроме служебных отношений я связан более близко, но в последнее время в связи с осуждением по делу изъятия ценностей я встречаться с Патриархом избегал, полагая, что это может быть неудобным. По поводу реставрации власти я никогда нигде не высказывался и подобной мысли у меня не было".

Особым совещанием при коллегии ОГПУ новомученик Александр был сослан на поселение в Туруханский край сроком на 3 года. Его и без того болезненное здоровье было подорвано пребыванием на Крайнем Севере.

Удостоенный сана протопресвитера, отец Александр по возвращении из ссылки стал одним из ближайших помощников Заместителя Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Сергия (впоследствии Патриарха), который хорошо знал его со времени его служения в Финляндии.

В 1930-е годы протопресвитер Александр служил настоятелем храма Ризоположения на Донской улице. Один из прихожан этого храма вспоминает о нем: "В 1936 году отец Александр проповедей не произносил, очевидно, они были ему запрещены. Я присутствовал в 1936 - 37 годах много раз на служении отца Александра. Высокий седой священник, тонкие черты лица, чрезвычайно интеллигентная внешность. Седые подстриженные волосы, небольшая бородка, очень добрые серые глаза, высокий громкий тенор... четкие вдохновенные возгласы. Своим обликом он напоминал целый ряд священников-беженцев из западного края. У отца Александра было много прихожан, очень чтивших его... И сегодня помню глаза отца Александра. Казалось, что его взгляд проникает в твое сердце и ласкает тебя. Это же ощущение было у меня, когда я видел святого Патриарха Тихона... Так же и глаза отца Александра; светящийся в них свет говорит о его святости".

Осенью 1937 года новомученик Александр был вновь арестован. На этом имеющиеся у нас документальные сведения прерываются, однако большая часть устных сообщений говорит о его мученической кончине. Православная Церковь в Америке, на территории которой протопресвитер Александр совершал свое пастырское служение до 1914 года, почитает его как страстотерпца, исповедническая жизнь которого закончилась страданиями за Христа. Место его погребения – Москва, Донское кладбище.

Прпмч. Арефа (Митренин)

Иеромонах Арефа, в миру Александр Федорович Митренин, родился 21 ноября 1879 года в городе Кронштадте в мещанской семье. Поступил в Валаамский монастырь 26 мая 1902 года. Пострижен в монашество 22 мая 1910 года. Рукоположен во иеродиакона 30 июля 1915 года. В феврале 1917 года отец Арефа был переведен на Московское подворье Валаамского монастыря, где проходил клиросное послушание и правил чреду священнослужения. По обычаю Валаамского монастыря на подворья направляли наиболее укрепившихся в вере и известных начальству монастыря своей благочестивой жизнью монахов. 28 апреля 1921 года отец Арефа был посвящен в сан иеромонаха.

После Октябрьской революции Валаамский монастырь, территориально принадлежащий Финляндии, оказался отрезанным от России. Прервалась регулярная переписка с братией, проживающей на подворьях. Из отдельных писем, доходивших до монастыря, узнавали, что живется им крайне тяжело. Неоднократно братия обращались с просьбами вернуть их на Валаам, где в то время протекала мирная монашеская жизнь. Особенно тяжело стало жить, когда в 1923 году большую часть Московского подворья заселили социальными женщинами. Но всякое испытание, каким бы тяжелым оно ни было, отец Арефа принимал как посланное Богом, как крест, кроткое несение которого есть путь ко спасению.

В 1924 году на Московском подворье было получено послание из монастыря, подписанное соборными старцами: «Минуло уже несколько лет, как все вы, наши дорогие собратья, оказались вне своей духовной Родины и все это время жизнь ваша протекает в условиях многих соблазнов и мирской суеты. Хорошо сознавая, как трудно инокам жить в городе и тем более в такое смутное время, мы сперва решили всех вас отозвать на Валаам, невзирая на убедительные просьбы

прихожан и на утрату нашего подворья со всем его достоянием. Но Бог судил иначе. <...>

Тщательно и всесторонне обсудив этот вопрос, мы пришли к решению: братство подворья сократить... Кроме того мы полагаем, что для душевной вашей пользы некоторым из вас необходимо теперь же оставить подворье и ни мало не медля возвратиться в родную обитель»[1].

Среди монастырской братии, которым вменялось за святое послушание в первую очередь вернуться в обитель, был и иеромонах Арефа. В монастыре он, наконец, обрел долгожданный мир и покой, однако ненадолго. 1924-1925 годы стали одним из трагических периодов в истории Валаамской обители. В 1921 году Финляндская Православная Церковь получила автономию от Святейшего Патриарха Московского и всея России Тихона. Впоследствии, в 1924 году, Финляндская Православная Церковь под давлением правительства Финляндии переходит в ведение Константинопольского Патриархата. Начинается насильственное введение в православных приходах Финляндии, в Валаамском и Коневском монастырях нового, григорианского, стиля. В единой доселе монашеской семье Валаамской обители произошел раскол среди братии на новостильников и старостильников.

Из дневника валаамского инока: «1925 года 10 сентября на Валааме было разделение старого и нового стиля. Стали принуждать переходить на новый стиль. Многие из братий остались по-старому. Начались суды. Приехало Церковное Управление во главе с нашим игуменом отцом Павлином, был суд; стали призывать по одному каждого из братий. Многих уволили из обители»[2]. Вызванный на суд Церковного Управления иеромонах Арефа с твердостью засвидетельствовал верность святым канонам Православной Церкви и 22 октября 1926 года был выслан из монастыря в Россию.

Вернувшись в Россию, отец Арефа поселился в часовне Валаамского монастыря в Ленинграде, на Васильевском острове, 16 линия, д.81. Пришло время беспощадных гонений на Православную Церковь. 15 мая 1932 года декретом правительства за подписью Сталина объявляется безбожная пятилетка. Она предполагает полную ликвидацию Церкви к 1 мая 1937 года. Само имя Божие должно быть забыто на территории СССР. Но несколькими месяцами раньше наступила страшная дата – 18 февраля 1932 года, которую один из очевидцев событий назвал Страстной пятницей русского монашества. В этот день в Ленинграде было арестовано 318 монахов и монахинь из разных монастырей, в их числе 9 братий с Валаамского подворья[3]. Среди них был и иеромонах Арефа.

Из протокола допроса иеромонаха Арефы: «...против советской власти никогда активно не выступал, но советским человеком быть не могу, так нас, монахов, лишили всего: монастыри и церкви закрывают, священнослужителей высылают, вообще советской властью везде гонение на религию».

Из обвинительного заключения по следственному делу № 276 - 32 г. по обвинению Васильевой Т.Н., Врасской-Котляровской В.С. и других: «В 1931-1932 году 9/111 ОГПУ в ЛВО4 стало известно, что в Александро-Невской Лавре, бывшем Ново-Девичьем монастыре, и в бывшем Киевском подворье, сосредотачиваются контрреволюционные элементы, ведущие систематическую контрагитацию, а также заготавливающие и распространяющие церковно-монархические сочинения в виде гимнов, стихов и акафистов.

С целью ликвидации упомянутых контрреволюционных очагов были произведены обыски, арестовано и привлечено к ответственности 50 человек.
При обысках были обнаружены церковно-монархические сочинения (стихи, гимны и акафисты) и пишущая машинка, на которой печатались антисоветские произведения.

В процессе следствия, показаний всех обвиняемых установлено, что привлеченные к ответственности лица вели агитацию против советской власти и коллективизации сельского хозяйства, стремились к подрыву и свержению советской власти.

Устраивали паломничества на могилы «блаженного Матвея» и «молчальника Патермуфия» (Александро-Невская Лавра), превращая эти паломничества в антисоветские демонстрации».

«... В том, что создали нелегальные монашеские общежития и превратили их в места контрреволюционных элементов и в источник распространения церковно-монархических сочинений, гимнов, контрреволюционных стихов и всяких провокационных слухов...поддерживали тесную связь с заключенными в концлагере и с ссыльным духовником путем переписки, посылки денег и продуктов. Устраивая нелегальные богослужения, анафематствовали (проклинали) советскую власть, стремясь к реставрации монархического строя».

По окончании следствия иеромонах Арефа по статье 58-10 и 58-11 Уголовного Кодекса был выслан в Казахстан сроком на 3 года. Скончался в ссылке в ноябре 1932 года, в возрасте 53 лет. Погребен в городе Ташкенте.

На юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви, состоявшемся 13 – 16 августа 2000 года, был прославлен в лике новомучеников и исповедников Российских XX века.

История и святые Валаамской обители.

В церковно-исторической науке не существовало и не существует однозначного ответа на вопрос о времени возникновения Валаамского монастыря. Отсутствует важнейший источник датировки – древнее житие преподобных Сергия и Германа. Архивные изыскания XIX-XX вв. опирались на косвенные данные, упоминания тех или иных событий из жизни монастыря в различных памятниках русской письменности.

В ряде современных изданий (путеводители, энциклопедии и т.п.) указаны зачастую противоречивые сведения о времени основания Валаамского монастыря. Возникновение обители относят то к XIV веку, то к первым векам распространения христианства на Руси – X-XI вв. Не раз во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. При неприятельских набегах уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, были сожжены и разграблены богатейшие монастырские библиотека и хранилище рукописей – так было утрачено и житие преподобных Сергия и Германа Валаамских.

Рассмотрим две основные, существующие на сегодняшний момент версии возникновения монастыря.

Первая из них относит основание монастыря к XII-XIV вв. Эту датировку в своих исследованиях поддерживали церковные историки XIX в.: еп. Амвросий (Орнатский), еп. Филарет (Гумилевский), Е.Е. Голубинский. В настоящее время этой версии придерживается ряд современных ученых: Н.А. Охотина-Линд, Дж. Линд, А. Накадзава. Свою концепцию эти исследователи основывают на рукописи XVI века "Сказание о Валаамском монастыре" (изданной Н.А. Охотиной-Линд). Другие современные ученые (Х. Киркинен, С.Н. Азбелев), отмечая эту рукопись как "новый исследовательский материал в ряду других первоисточников, касающихся ранней истории Валаамского монастыря", считают, что "издатели вновь найденного текста наряду с людьми, представившими этот источник, отнеслись к нему слишком доверительно с точки зрения критического исследования. В порыве своего увлечения... они не произвели основательного источниковедческого анализа первоисточника". Следует отметить, что до сих пор не найдено других источников, в которых бы подтверждались данные "Сказания о Валаамском монастыре", в частности, утверждение, что основателем монастыря является не преподобный Сергий Валаамский, как принято считать, основываясь на многовековом церковном предании, нашедшем отражение в богослужебных текстах, а преподобный Ефрем Перекомский.

Вторая концепция относит основание монастыря к X-XI векам. Она опирается на одну из редакций жития преподобного Авраамия Ростовского, содержащую упоминание о пребывании преподобного на Валааме в X веке, а также на ряд летописных упоминаний о переносе мощей преподобных Сергия и Германа с Валаама в Новгород в 1163 году. Следует отметить, что историкам XIX века (Н.П. Паялин, И.Я. Чистович) была известна лишь одна запись из Уваровской летописи о переносе мощей. Архивные изыскания последних лет позволили обнаружить и другие подобные упоминания: в собрании Российской Национальной Библиотеки и в Институте Истории материальных культур. Таких записей в общей сложности

насчитывается восемь. Наибольший интерес, как самая информативная, представляет запись из собрания Лихачева (ф. 238, оп. 1, № 243): "О святых великоновгородских епископах и архиепископах, и преподобных чудотворцах" XVIII в. В рукописи отмечена память прп. Сергия и Германа, указано на современное (XVII в.) разорение обители, дана ссылка на древний соборный Летописец, где указаны даты обретения (1163 г.) и возвращения (1182) мощей на Валаам.

Прп. Сергий и Герман Валаамские

Основатели Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, преподобные Сергий и Герман, согласно церковному преданию, были греческими священноиноками, пришедшими в X веке[1] во владения Великого Новгорода вместе с первыми православными миссионерами. Исторические сведения об основателях Валаамского монастыря скудны. Часто во времена вражеских нашествий (XII, XVII века) монастырь переживал опустошение, на долгие десятилетия прерывалось здесь иноческое служение. Во времена нашествий уничтожались церковные памятники, монастырские святыни, не раз были сожжены и разграблены богатейшие монастырские библиотека и хранилище рукописей.

Не дошло до нас и житие преподобных Сергия и Германа Валаамских. В XVI веке уже были утрачены многие исторические документы, об этом свидетельствует древний синодик Валаамского монастыря, после разорения обители в 1611 году хранившийся в Староладожском Васильевском монастыре. Этот синодик является единственным историческим документом, написанным на Валааме, в котором отражено подлинное знание о первоначальниках обители. В синодике в списке игуменов упоминаются преподобные Сергий и Герман.

Свидетельством иноческого подвига преподобных стали церковное предание и древние летописные памятники. Смысл иноческого жития преподобных Сергия и Германа состоял в просвещении светом Христовой веры языческих карельских племен, в утверждении православия на Севере Руси, в основании монашеской обители, которая стала оплотом православия в ранние века христианского просвещения. Древние новгородские летописи сообщают об обретении мощей преподобных Сергия и Германа и перенесении их в Новгород во время нашествия шведов в 1163–64 гг.

Именно тогда состоялось местное прославление основателей Валаамского монастыря и было положено начало церковному почитанию преподобных Сергия

и Германа в пределах Новгородской епархии. Свидетельством их церковного почитания является наличие их в соборе Новгородских святых, упоминания в службе «Всем русским святым», составленной в XVIII веке, а также прориси и иконописный подлинник XVIII века.

В начале XVIII века были известны иконы преподобных Сергия и Германа. Напоминание об утраченном житии преподобных встречается в многочисленных списках «Валаамской беседы», памятника церковной публицистики XVI–XVII веков. Зачало «Беседы», несомненно, является отрывком из сентябрьских Миней, где повествуется о перенесении мощей преподобных Сергия и Германа (Карельских чудотворцев) из Новгорода в монастырь Всемилостивого Спаса по утишении военной опасности, по-видимому, в 1182 г., что подтверждается новгородскими летописными источниками. Первоначальное место подвигов преподобных Сергия и Германа указывается на Святом острове. Так говорит предание, известное при игумене Ефреме во второй половине XVIII века. Также данный факт подтверждает и шведский атлас, в котором на карте острова Валаама Святой остров именуется как Vanho Valamo – Старый Валаам, и на этом острове указан крест.

Чрезвычайно широкое распространение «Валаамской беседы», известной во множестве списков XVI, XVII, XVIII веков, свидетельствует о высоком духовном авторитете основателей Валаамского монастыря, так как именно их духовными устами изложена позиция нестяжателей в известной церковной полемике XVI века.

В 1611 году монастырь был разорен шведами, и на острове жили шведские колонисты. В 1685 году, в царствование великих князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича, шведы захотели откопать мощи преподобных и надругаться над ними, но Господь молитвами преподобных вскоре послал на них великий недуг и расслабление членов, поэтому они устрашились и над мощами их устроили часовню.

11 июля – память преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев. В 1755 году игуменом Ефремом был выстроен новый деревянный соборный храм, в котором имелся придел преподобных Сергия и Германа. Путешественник, капитан Яков Яковлевич Мордвинов так описывает саму обитель: «Монастырь построен на горе каменной, церкви, колокольня и ограда деревянные. И всему оному монастырю взят план, и на плане означено: Соборная церковь Преображения Господня, в ней приделы: с южной стороны – святых апостолов Петра и Павла, с северной — святого апостола Иоанна Богослова, вверху с юга святого апостола Андрея Первозванного, с северу – святых праведных Захарии и Елисаветы, внизу с южной стороны — преподобных отец Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, где и мощи преп. под спудом, а сверху сделаны раки, и на раки их положены живописные их образы».

К 28 июня 1789 года был освящен новый соборный храм преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев, казначеем Иннокентием с братией, где мощи их почивают под спудом. В 1817 году архимандритом Коневского монастыря Иларионом была составлена служба преподобным Сергию и Герману, Валаамским чудотворцам, и напечатана в Синодальной типографии с приложением поучительного слова на память их.

В 1819 году, 20 октября, Святейшим Синодом было предписано общероссийское почитание Валаамских угодников и определены дни церковного празднования их памяти – 28 июня/11 июля и 11/24 сентября.

Мощи преподобных Сергия и Германа и ныне почивают под спудом в Спасо-Преображенском Соборе Валаамского монастыря. Свидетельством благодатной молитвенной помощи преподобных являются многочисленные чудеса, явленные по вере просящих и молящихся.

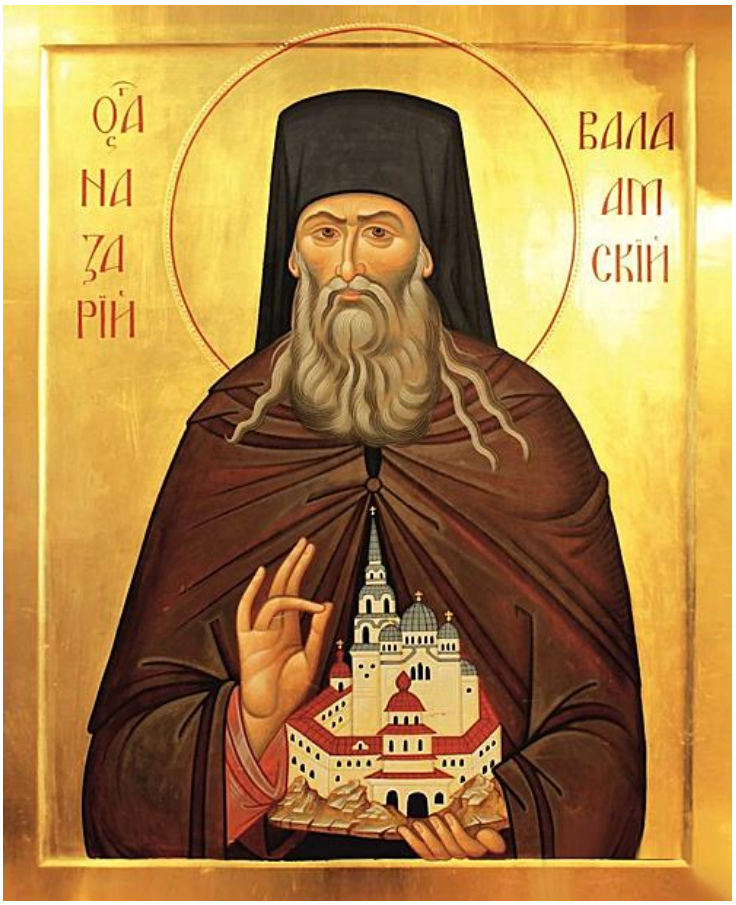
Основатели монастыря, преподобные Сергий и Герман, Валаамские чудотворцы, не оставили нам своего жития, которое, несомненно существовало, сохранились лишь краткие упоминания в летописях и древних рукописях. Но преподобные Сергий и Герман никогда не оставляли своего братства. Они продолжают свидетельствовать на протяжении тысячи лет свое незримое присутствие, охраняя своим молитвенным предстательством Валаамскую обитель.

Также известны святые Валаамские:

1. Антоний Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
2. Афанасий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
3. Афанасий Валаамский, прмч. (другой): †1578; Ф.20 (Мр.5)
4. Варлаам Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
5. Варлаам Валаамский, прмч. (другой): †1578; Ф.20 (Мр.5)
6. Василий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
7. Василий Валаамский, прмч. (другой): †1578; Ф.20 (Мр.5)
8. Геласий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
9. Давид Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
10. Дионисий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
11. Иоанн Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
12. Иоанн Валаамский, прмч. (другой): †1578; Ф.20 (Мр.5)
13. Иоанн Валаамский, прмч. (третий): †1578; Ф.20 (Мр.5)
14. Иона Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
15. Киприан Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
16. Конон Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
17. Корнилий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
18. Леонтий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
19. Лука Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)

20. Нифонт Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
21. Пахомий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
22. Савва Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
23. Самон Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
24. Серапион Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
25. Сергий Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
26. Сильвестр Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
27. Тит Валаамский, сщмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
28. Феодор Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
29. Тихон Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
30. Феофил Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
31. Филипп Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)
32. Фома Валаамский, прмч.: †1578; Ф.20 (Мр.5)

Прп.Назарий Саровский (Валаамский)



Назарий Валаамский, Саровский (1735 – 1809), игумен, преподобный.
В миру Николай Кондратьев, родился в 1735 году в села Аносове Темниковского уезда Воронежской (с 1796 г. – Тамбовской) губернии (ныне пгт. Ермишь,

районный центр Рязанской области), в семье причетника Михаило-Архангельской церкви.

В 1752 году Николай пришел в Саровскую пустынь, при пятом строителе иеромонахе Исаакии. Здесь он пробыл три года. Его старцем был иеросхимонах Варлаам, пребывавший на покое. Присмотревшись к юному послушнику. стремившемуся к молитвенному уединению и постижению монашеского образа жизни, игумен Варлаам посоветовал Николаю отправиться к известному своими монашескими подвигами о. Мефодию (1700 – 1776), архимандриту Астраханского Спасо-Преображенского монастыря, будущему астраханскому епископу. Там, в Астрахани, Николай состоялся и как монах, и как будущий руководитель. Не без его прямого посредничества установились тесные контакты Саровской пустыни с астраханскими монастырями.

22 сентября 1760 года послушник Николай был пострижен в монашество с наречением имени в честь мученика Назария Римлянина. Постриг в приписанном к архиерейскому дому Покровском монастыре в Астрахани совершен иеромонахом Никифором, в присутствии еп. Мефодия.

22 октября того же года рукоположен в сан иеродиакона еп. Мефодием.

8 сентября 1764 года перешел в Саровскую пустынь.

В 1773 году нес послушание, исполняя чреду священнослужения, в церкви нес клиросное послушание и шил для братии камилавки.

В 1776 году рукоположен во иеромонаха епископом Владимирским Иеронимом. По ведомости значилось, что он исправляет священнослужение, а по немощи временно исполняет послушание в вязании четок для братии, а к другим трудам он за немощью был не способен.

Строгое исполнение иноческого устава было всегдашней заботой отца Назария. Вся жизнь его была подвигом. Душа его так была проникнута мыслью и Божественных предметах, чтобы единственным предметом его бесед было слово о пользе души. О делах мирских он не знал и слов, как говорить о них. Но если отверзал свои уста, чтобы говорить о подвигах против страстей, о любви к добродетели, то его беседа была неиссякаемым источником сладости. И как сам он, так и слушающие, забывали часы и время в усладительной беседе. Слова его были правы, прямы и резки. Без Слова Божия как основания не любил он и начинать разговоров, – так учил и других, чтобы душеспасительные советы основывать не на своем разуме, но на слове Божием. Строгий и как бы недоступный по виду, он своими словами привлекал сердца всех к любви и послушанию к нему. Смиренный сам, он и всех, которые просили у него наставления, прежде всего, учил смирению. Жизнь проводил неизменяемо постническую и нестяжательную; едва только не рубище употреблял для одежды своей.

5 декабря 1780 года "о.Назарий с товарищи в Москву отправился", – как писал епископ Владимирский Иероним (Формаковский). Видимо именно в это

время они посетили Соловецкий монастырь. Увидев запустение Анзерского скита, о.Назарий обратился в Святейший Синод, с донесением, в котором он описывал условия жизни Анзерского скита, Соловецкого монастыря и о его запустении.

В начале 1781 года в письме к строителю Саровской пустыни иеромонаху Пахомию митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) просил о высылке иеромонаха Назария для восстановления Валаамского монастыря и для заведения в оном устава Саровского. Отец Пахомий на это не совсем охотно соглашался, между прочим выставлял на вид и малообразованность братии. Равно и о. Назария представлял как человека малоумного и неопытного в духовной жизни. Преосвященный Гавриил проник в тайну смирения Назариева: "У меня много своих умников – отвечал им, – пришлите мне вашего глупца". Таким образом о. Пахомию невольно пришлось отпустить смиренного подвижника.

В том же 1781 году указом Святейшего Синода о.Назарий был потребован в Санкт-Петербург, где по убеждению митрополита Гавриила определен в строители в Валаамский монастырь для устройства в нем общежития и порядка по уставу Саровской пустыни.

Общежительные порядки Саровский старец ввел в Валаамском монастыре сразу же по своем назначении. При о. Назарии возник внутренний четыреугольник обители, состоящий из каменных собора, двух церквей, ризницы, трапезы и келлий. Монастырь включен в число штатных монастырей, и штат определен в 30 человек; строитель возведен в сан игумена; императором Павлом пожалованы монастырю Кюменские рыбные ловли, главный источник его содержания. По воле митрополита Гавриила, о. Назарий ввел в Валааме общежительный устав Саровской пустыни и установил три рода жизни: общежительный, схимнический и пустынный. Слава о Валааме стала расходиться по православному миру; даже приходившие в него афонские иноки смотрели на него с удивлением, говоря, что по внутреннему устройству он выше афонских монастырей.

Отец Назарий возымел великую ревность к изданию избранных творений святых отцов. Его сподвижник, архимандрит Феофан, много рассказывал ему о великом старце Паисии и о его переводах святых отцов. Впоследствии к ним присоединился и иеромонах Филарет, воспитанник Саровской пустыни. После перевода игумена Назария и отца Феофана в Санкт-Петербургскую епархию в 1781 году, они познакомили со своими планами митрополита Гавриила, который принял самое горячее участие в этом деле. Для того чтобы получить переводы святых отцов они написали письмо к старцу Паисию, через архимандрита Феодосия, в 1780-1782 годах. Когда был предпринят перевод с греческого великой подвижнической книги "Добротолюбие", митрополит Гавриил предписал ученым переводчикам советоваться во всем с духовными старцами и прежде всего указал на о. Назария. "Они из опыта лучше вас понимают духовные истины", – сказал митрополит.

В 1801 году о. Назарий испросил себе увольнение на покой. Сперва он уединился на Валааме в своей отшельнической келлии, куда удалялся и раньше, занимаясь молитвою и рукоделием. Но обстоятельства принудили его покинуть Валаам.

25 января 1804 г. игумен Назарий был уволен из Валаамского монастыря по собственному прошению, в котором писал: "Не безызвестно Вашему Высокопреосвященству, что я поднесь находился жительством в Валаамском монастыре, а ныне в оной более жить не желаю. А имею намерение перейти к жительству Тамбовской епархии в Саровской монастырь, того ради Ваше Высокопреосвященство покорнейше прошу меня уволить".

Оставляя Валаамский монастырь, о. Назарий пожелал посетить некоторые пустынные обители; а между тем, некоторые знакомые хвалили места способные и удобные к житию монашескому, около станиц Черноморских казаков. По распутице игумен Назарий доехал до Тихвина откуда отправился водным путем. Его провожала иеромонах Иларион и монах Симон. 12 мая 1805 г. игумен Назарий был в Николаевской Черноморской пустыни.

Вернувшись в Саров, где полагал начало монашеству, о. Назарий устроил себе пустынную келью в лесу, при речке Саровке. Когда хватало сил, он в ночное время ходил по лесу, совершая на память молитвословие 12 псалмов, и к рассвету возвращался в келью. Не раз встречался он с медведями, которые не трогали его, и он их не боялся.

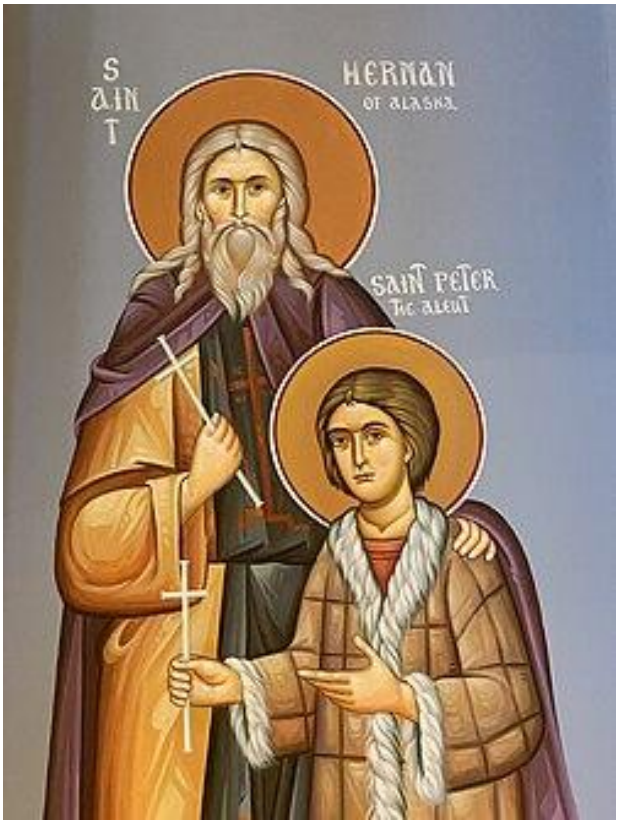
Многие отшельники поверяли ему свои помыслы. В Тамбовском и Нижегородском краю образовалось под его руководством много женских общежитий. Имея дар прозорливости, о. Назарий видел обнаженными человеческие мысли и грехи. Будучи делателем умной молитвы, старец так писал о ней:

"Помолимся духом, помолимся и умом. Взойдите-ка в слова апостола Павла: "Хощу реши лучше пять слов умом, нежели тысячу языком". Изобразить не могу, сколь мы счастливы, что сии пять слов удостоилися говорить. Что за радость! Господи Иисусе Христе, помилуй мя грешного. Вообразите-ка: Господи, кого я называю? Создателя, Творца всего, Кого вся небесныя силы трепещут. Ум и сердце собрать во едино, глаза закрыть, мысленные очи возвести к Господу. О сладчайший и дражайший Господи, Иисусе Христе Сыне Божий!"

Скончался 23 февраля 1809 году, в шестом часу по полудни, в своей келии, на берегу речки Саровки по течению ее на правой стороне. Братия застала его в живых, но он уже не мог сказать ни слова. Тело его погребено у алтаря теплой церкви; близ его духовника иеросхимонаха Варлаама.

При патриархе Пимене имя игумена Назария было включено в Собор Тамбовских святых, а определением Священного Синода от 11 мая 2004 года включено в Собор Валаамских святых.

Прп. Герман Аляскинский, духовный сын прп. Назария.



Преподобный Герман Аляскинский (память 27 июля и 10 июня (Собор Сибирских святых) по старому стилю)

Монах Герман происходил из купцов города Серпухова Московской губернии. С самых юных лет возымел он великую ревность к благочестию и шестнадцати лет от рождения пошел в монахи. Сначала поступил он в Троице-Сергиеву пустынь Санкт-Петербургской епархии. Будущий великий проповедник веры и благочестия с первых своих шагов по пути подвижническому отличался верою и большой любовью ко Христу. Начинал свой духовный подвижнический путь с Саровской обители. В Троице-Сергиевой пустыни (в Стрельне близ С-Петербурга) он заболел: у него на горле образовался нарыв; опухоль быстро возрастала и обезобразила все лицо, боль была ужасная, весьма трудно было глотать, запах был нестерпимый. В таком опасном положении, ожидая смерти, молодой подвижник не обратился к земному врачу, но с горячею молитвою и со слезами припал он пред образом Царицы Небесной и, прося у Нее исцеление молился всю ночь, потом мокрым полотенцем отер лик Пречистой Владычицы и этим полотенцем обвязал опухоль, продолжая молиться. В изнеможении заснул он на полу и увидел во сне, что его исцелила

Пресвятая Дева. Наутро просыпается, встает и, к великой радости, находит себя совершенно здоровым. К удивлению врачей, опухоль, не прорвав нарыва, разошлась, оставив о себе только малый след, как бы в воспоминание чуда. Пять или шесть лет прожил отец Герман в Сергиевой пустыни и потом перешел в Валаамский монастырь. Всей душей полюбил он величественную пустынную Валаамскую обитель, полюбил незабвенного настоятеля ее, великого старца Назария, и всю братию. «Ваших отеческих мне, убогому, благодеяний, — писал он впоследствии отцу Назарию из Америки, — не изгладят из моего сердца ни страшные непроходимые сибирские места, ни леса темные, ни быстрины великих рек не смоют, ниже грозный океан не угасит чувств оных. Я в уме воображаю любимый мною Валаам, на него всегда смотрю через Великий океан». Старца Назария в своих письмах величал он преподобнейшим, любезным своим батюшкой, а всю Валаамскую братию любезною и дражайшею. Пустынный Еловый остров, место своего жительства в Америке, назвал он Новым Валаамом. И, как видно, всегда находился в духовном общении со своею духовной родиной, ибо еще в 1823 году, следовательно, через тридцать лет пребывания своего в пределах американских, писал к преемнику отца Назария, игумену Иннокентию. На Валааме отец Герман проходил разные послушания. Испытав его ревность в трудах общежития, мудрый старец отец Назарий отпустил его потом на жительство в пустыню. Пустыня эта находилась в густом лесу, версты полторы от обители; доныне местность та сохранила название «Германово». По праздникам приходил отец Герман из пустыни в монастырь и, бывало, на малой вечерне, стоя на клиросе, приятным тенором поет он с братией припевы канона «Иисусе сладчайший, спаси нас, грешных», «Пресвятая Богородица, спаси нас», а слезы градом льются из очей его.

Во второй половине XVIII столетия расширились пределы великой России на севере: деятельностью русских промышленников открыты были тогда Алеутские острова, составляющие на Великом океане цепь от восточного берега Камчатки до западного берега Северной Америки. С открытием островов обнаружилась священная необходимость — просветить светом Евангельским диких их обитателей. Для этого святого дела по благословению Святейшего Синода митрополит Гавриил поручил старцу Назарию избрать способных людей из братии Валаамской. Избрано было десять человек, в числе их и отец Герман. В 1794 году отправились избранники из Валаама к месту нового назначения. Святою ревностию проповедников быстро разливался свет проповеди Евангельской между новыми сынами России: несколько тысяч язычников приняли христианство; заведена была школа для образования новокрещенных детей, выстроена церковь в месте жительства миссионеров. Но неведомыми

судьбами Божиими общие успехи миссии были недолговременны. Через шесть лет после своей многополезной деятельности потонул вместе со своею свитою начальник миссии епископ Иоасаф, ранее его ревностный иеромонах Ювеналий сподобился мученического венца, прочие выбывали один за другим, наконец остался один отец Герман, и ему благоволил Господь долее всех собратий потрудиться подвигом апостольским для просвещения алеутов.
Как уже было сказано, местом жительства отца Германа в Америке был остров Еловый, названный им Новый Валаам. Этот остров проливом в версты две отделяется от острова Кадьяк, на котором был построен деревянный монастырь для помещения миссии и устроена деревянная церковь во имя Воскресения Спасителя. Остров Еловый небольшой, весь покрыт лесом, почти посредине его сбегает в море маленький ручеек. Этот-то живописный остров и избрал для себя отец Герман, выкопал на нем своими руками пещеру и в ней провел первое лето. К зиме, близ пещеры, управляющая островами Компания выстроила для него келию, в которой и жил он до смерти, а пещеру святой отец обратил в место своего могильного упокоения. Недалеко от келии возвышались деревянная часовня и деревянный домик для посетителей и училищных занятий. Перед келией разбит был огород. На огороде сам копал он гряды, сажал картофель и капусту, сеял разные овощи. К зиме запасал грибы: солил и сушил их; соль приготовлял сам из морской воды или рассола. Плетенный короб, в котором носил старец с берега морскую капусту для удобрения земли, говорят, был так велик, что трудно было эту ношу поднять одному, а отец Герман, к великому удивлению всех, переносил ее без посторонней помощи на далекое расстояние. В одну зимнюю ночь ученик его, Герасим, случайно увидел его в лесу, идущего босиком с таким большим деревом, которое под силу нести четверым. Так трудился старец и все, что приобретал таким безмерным трудом, все то употреблял на пропитание и одежду для сирот — его воспитанников, и на книги для них.

Одежда отца Германа была одна зимою и летом. Рубашки холстяной он не носил, ее заменяла оленья кухлянка, которую он по восьми лет не снимал и не переменял, следовательно шерсть на ней вся вытиралась и кожа залоснивалась. Потом сапоги или башмаки, подрясник, ветхая, полинялая, вся в заплатах, ряса и клобук. — вот и все его одеяние. В этой одежде он ходил везде и во всякую погоду: и в дождь, и в снежную метель.

Постелью ему служила небольшая скамья, покрытая оленьей, вытершейся от времени шерстью, изголовье — два кирпича, которые под голою шкурой оставались незаметными для посетителей: одеяла не было, его заменяла деревянная доска, лежавшая на печке. Эту доску сам отец Герман назвал своим одеялом, завещав ею покрыть его смертные останки, она была совершенно в рост

его. «В бытность мою в келии отца Германа,— говорил креол Константин Ларионов, — я, грешный, сидел на его постели, и это считаю верхом моего счастья».

Случалось отцу Герману бывать в гостях у правителей Компании и в душеспасительных беседах с ними просиживать до полуночи и даже за полночь, но ночевать он никогда не оставался, несмотря на ни какую погоду, всегда уходил к себе в пустыню. Если же по какому-либо особенному случаю и нужно было ему ночевать вне келии, то утром всегда находили постель, постланную для него, совершенно нетронутою, а старца не спавшим. Точно так и в своей пустыни, проведя ночь в беседе, не предавался он отдохновению.

Ел старец весьма мало. В гостях чуть отведывал какого-либо кушанья и оставался уже без обеда. В келии очень малая часть небольшой рыбы или овощей составляла весь его обед.

Тело его, изнуренное трудами, бдением и постом, сокрушали пятнадцатифунтовые вериги. Эти вериги в настоящее время находятся в часовне, где за образом Божией Матери найдены они были после смерти старца, как говорят одни, или оттуда они сами выпали, поясняют другие. Описанные черты жизни старца касаются, прежде всего, внешнего его делания. «Главное же его дело, — вспоминал преосвященный Петр, бывший епископ Ново-Архангельский, викарий Камчатской епархии, — было упражнение в подвигах духовных, в уединенной келии, где никто его не видел, и только вне келии слышали, что он пел и совершал богослужение по монашескому правилу». Такое свидетельство преосвященного подтверждает и ответ самого отца Германа. На вопрос: «Как вы, отец Герман, живете один в лесу, как не соскучитесь?» он отвечал: «Нет, я там не один. Там есть Бог, как и везде есть Бог! Там есть ангелы, святые! И можно ли с ними скучать? С кем же лучше и приятнее беседа, с людьми или с ангелами? Конечно, с ангелами!»

Как смотрел отец Герман на туземных жителей Америки, как понимал свое отношение к ним и как сочувствовал их нуждам, выражает он сам в одном из писем к бывшему правителю колонии Яновскому.

«Любезному нашему Отечеству, — писал он, — Творец будто новорожденного младенца дать изволил край сей, который не имеет еще ни сил к каким-нибудь познаниям, ни смысла, требует не только покровительства, но по бессилию своему и слабости ради младенческого возраста — самого поддержания; но и о том самом не имеет он еще способностей кому-либо сделать свою просьбу. А как зависимость сего народного блага Небесным Провидением, неизвестно до какого-то времени отдана в руки находящемуся здесь русскому начальству, которое теперь вручилось вашей власти, сего ради я, нижайший слуга здешних

народов и нянька, от лица тех пред вами ставши, кровавыми слезами пишу вам мою просьбу. Будьте нам отец и покровитель. Мы всеконечно красноречия не знаем, но с немотою, младенческим языком говорим: «Отрите слезы беззащитных сирот, прохладите жаром печали тающие сердца, дайте разуметь, что значит отрада!»

Как чувствовал старец, так и поступал. Предстательствовал он всегда перед начальством за провинившихся, защищал обвиняемых, помогал нуждавшимся чем только мог, и алеуты обоего пола и дети их часто посещали его. Кто просил совета, кто жаловался на притеснение, кто искал защиты, кто желал помощи — каждый получал от старца возможное удовлетворение. Разбирал он их взаимные неприятности, старался всех мирить, особенно в семействах заботился восстановить согласие. Если не удавалось помирить мужа с женой, старец на время разлучал их. Необходимость такой меры он сам объяснял так: «Пусть лучше врозь живут, да не дерутся и не бранятся, а то, поверьте, страшно, если не развести: были примеры, что муж убивал жену или жена изводила мужа». Особенно любил отец Герман детей, наделял их сухариками, пек им крендельки, и малютки ласкались к старцу. Любовь отца Германа к алеутам доходила до самоотвержения. На корабле из Соединенных Штатов занесена была на остров Ситху, а оттуда на остров Кадьяк повальная заразная болезнь оспа. Она начиналась жаром, сильным насморком и удушьем и оканчивалась колотьем; в три дня человек умирал. Не было на острове ни доктора, ни лекарств. Болезнь, разливаясь по селению, быстро охватила окрестности. Смертность была так велика, что некому было копать могилы, и тела лежали не зарытыми. Во все время этой грозной болезни, продолжавшейся с постепенным умалением целый месяц, отец Герман, не щадя себя, неутомимо посещал больных, увещевал их терпеть, молиться, приносить покаяние или приготовлял их к смерти.

Особенно старался старец о нравственном преуспеянии алеутов. С этою целью для детей, сирот алеутских, устроено было им училище, где отец Герман сам учил их Закону Божию и церковному пению. С этою же целью в часовне близ его келии в воскресные и праздничные дни собирал он алеутов для молитвы. Здесь часы и разные молитвы читал для них ученик его, а сам старец читал Апостол, Евангелие и устно поучал прихожан, пели же его воспитанницы, и пели очень приятно. Любили алеуты слушать наставления отца Германа и во множестве стекались к нему.

Увлекательны были беседы и с чудною силою действовали они на слушателей. Об одном из таких благодатных впечатлений своего слова пишет он сам. «Слава судьбам святым Милостивого Бога! Он непостижимым Своим Промыслом показал мне ныне новое явление, чего здесь на Кадьяке я, двадцать

лет живши, не видал. Ныне, после Пасхи, одна молодая женщина, не более двадцати лет, по-русски хорошо говорить умеющая, прежде совсем меня не знавшая, пришла ко мне и, услышав о воплощении Сына Божия и о вечной жизни, столько возгорела любовью к Иисусу Христу, что никак не хочет от меня отойти, но сильною просьбою убедила меня, против моей склонности и любви к уединению, несмотря ни на какие предлагаемые от меня препятствия и трудности, принять ее, и более уже месяца у меня живет и не скучает. Я с великим удивлением смотрю на сие, поминая слова Спасителя: что утаено от премудрых, то открыто младенцам». Эта женщина жила у старца до его смерти. Она наблюдала за благонравием детей, учившихся в его училище, и он, умирая, завещал ей жить на Еловом и, когда она скончается, похоронить ее при его ногах. Звали ее София Власова.

Вот что писал о характере и силе бесед старца Я., один из очевидцев: «Мне было тридцать лет, когда я встретился с отцом Германом. Надо сказать, что я воспитывался в морском корпусе, знал многие науки, много читал, но, к сожалению, науку из наук, т. е. Закон Божий, едва понимал поверхностно и только теоретически, не применяя к жизни, и был только по названию христианин, а в душе и на деле — вольнодумец, атеист. Тем более я не признавал божественности и святости нашей религии, что перечитал много безбожных сочинений Вольтера и других философов XVIII века. Отец Герман тотчас заметил это и пожелал меня обратить. К великому моему удивлению, он говорил так сильно, умно, доказывал так убедительно, что, мне кажется, никакая ученость и земная мудрость не могли бы устоять против его слов. Ежедневно мы беседовали с ним до полуночи, и даже за полночь, о любви Божией, о вечности, о спасении души, христианской жизни. Сладкая речь неумолкаемым потоком лилась из его уст... Такими постоянными беседами и молитвами святого старца Господь совершенно обратил меня на путь истины, и я сделался настоящим христианином. Всем этим я обязан отцу Герману, он мой истинный благодетель».

«Несколько лет тому назад, — вспоминал Я., — отец Герман обратил одного морского капитана Г. из лютеранской веры в Православие. Этот капитан был весьма образован; кроме многих наук он знал языки: русский, немецкий, английский, французский и несколько испанский, и за всем тем он не мог устоять против убеждений и доказательств отца Германа — переменил свою веру и присоединился к Православной Церкви через миропомазание. Когда отъезжал он из Америки, старец при прощании сказал ему: «Смотрите, если Господь возьмет вашу супругу у вас, то вы никак не женитесь на немке, если женитесь на немке, она непременно повредит ваше Православие». Капитан дал слово, но не исполнил его. Предостережение старца было пророческим. Через несколько лет, действительно,

умерла жена у капитана, и он женился на немке, оставил или ослабил веру и умер скоропостижно без покаяния».

«Однажды пригласили старца на фрегат, пришедший из Санкт-Петербурга. Капитан фрегата был человек весьма ученый, высокообразованный, он был прислан в Америку по Высочайшему повелению для ревизии всех колоний. С капитаном было до двадцати пяти человек офицеров, также людей образованных. В этом-то обществе сидел небольшого роста, в ветхой одежде, пустынный монах, который своею мудрою беседою всех образованных собеседников своих привел в такое положение, что они не знали, что ему отвечать.

Сам капитан рассказывал: «Мы были безответны, дураки пред ним!» Отец Герман сделал им всем один общий вопрос: «Чего вы, господа, более всего любите и чего бы каждый из вас желал для своего счастья?»

Посыпались разные ответы. Кто желал богатства, кто чинов, кто красавицу-жену, кто прекрасный корабль, на котором он начальствовал бы, и так далее в этом роде.

«Не правда ли, — сказал отец Герман, — что все ваши разнообразные желания можно привести к одному, что каждый из вас желает того, что, по его понятию, считает он лучшим и достойным любви?».

«Да, так» — отвечали все.

«Что же, скажите, — продолжал он, — может быть лучше, выше всего, всего превосходнее и по преимуществу достойнее любви, как не сам Господь наш Иисус Христос, Который нас создал, украсил такими совершенствами, всему дал жизнь, все содержит, питает, все любит. Который Сам есть любовь и прекраснее всех человеков? Не должно ли же поэтому превыше всего любить Бога, более всего желать и искать Его?».

Все заговорили: «Ну, да! Это разумеется! Это само по себе!» «А любите ли вы Бога?» — спросил тогда старец.

Все отвечали: «Конечно, мы любим Бога. Как не любить Его?». «А я, грешный, более сорока лет стараюсь любить Бога, а не могу сказать, что совершенно люблю Его», — возразил им отец Герман и стал объяснять, как должно любить Бога.

«Если мы любим кого,— говорил он, — мы всегда поминаем того, стараемся угодить тому, день и ночь наше сердце занято тем предметом. Так же ли вы, господа, любите Бога? Часто ли обращаетесь к Нему, всегда ли помните Его, всегда ли молитесь Ему и исполняете Его святые заповеди?».

Должны были признаться, что нет.

«Для нашего блага, для нашего счастья, — заключил старец, — дадим себе обет, что по крайней мере от сего дня, от сего часа, от сей минуты будем мы

стараться любить Бога уже выше всего и исполнять Его святую волю!» Вот какой умный, прекрасный разговор вел отец Герман в обществе. Без сомнения, этот разговор должен был запечатлеться в сердцах слушателей на всю их жизнь! Вообще отец Герман был словоохотлив, говорил умно, дельно и назидательно, более всего о вечности, о спасении, о будущей жизни, о судьбах Божиих. Много рассказывал из житий святых, из Пролога, но никогда не говорил ничего пустого. Так приятно было его слушать, что беседующие с ним увлекались его беседою и нередко только с рассветом дня нехотя оставляли его, свидетельствует креол Константин Ларионов.

Чтобы несколько выразить самый дух учения отца Германа, мы приведем слова собственноручного письма его. «Истинного христианина, — писал он, — делают вера и любовь ко Христу. Грехи наши нимало христианству не препятствуют, по слову Самого Спасителя. Он изволил сказать: не праведныя приидох призвати, но грешныя спасти. Радость бывает на Небеси о едином кающемся более, нежели о девятидесяти праведниках. Также о блуднице, прикасающейся к ногам Его, фарисею Симону изволил говорить: имеющему любовь, многий долг прощается, а с не имеющего любви и малый долг взыскивается». Этими и подобными им рассуждениями христианин должен приводить себя в надежду и радость, и отнюдь не внимать наносимому отчаянию; тут нужен щит веры.

Грех любящему Бога не что иное, как стрелы от неприятеля на сражении. Истинный христианин есть воин, продирающийся сквозь полки невидимого врага к Небесному своему отечеству, по Апостольскому слову: отечество наше на Небесах. А о воинах говорит: «несть наша брань к крови и плоти, но к началом и ко властем» (Еф. 6, 12).

Пустые века сего желания удаляют от отечества, любовь к тем и привычка одевают душу нашу как будто в гнусное платье; оно названо от Апостолов «внешний человек». Мы, странствуя в путешествии сей жизни, призывая Бога в помощь, должны гнусности той совлекаться, а одеваться в новые желания, в новую любовь будущего века и через то узнавать наше к Небесному отечеству приближение или удаление, но скоро сего сделать невозможно, а должно следовать примеру больных, которые, желая любезного здравия, не оставляют изыскивать средств для излечения себя. Я говорю не ясно». Ничего не искав для себя в жизни, давно уже, при самом прибытии в Америку, по смирению отказавшись от сана иеромонаха и архимандрита и оставшись навсегда простым монахом, отец Герман без малейшего страха пред сильными ревновал всем усердием по Боге. С кроткою любовью обличал он многих в нетрезвой жизни,

недостойном поведении и притеснении алеутов, и все это — не взирая на чины и звания.

Обличаемая злоба вооружилась против него, делала ему всевозможные неприятности и клеветала на него. Клеветы были так сильны, что часто даже люди благонамеренные не могли заметить той лжи, которая в доносах на отца Германа скрывалась под покровом наружной правды, и поэтому должно сказать, что только один Господь сохранял старца.

Правитель колоний Я., еще не увидев отца Германа и только по одним наговорам на него, писал в Петербург о необходимости его удаления, объясняя свое прошение тем, будто он возмущает алеутов против начальства. Священник, приехавший из Иркутска с большими полномочиями, наделал отцу Герману много огорчений и хотел отправить его в Иркутск, но правитель колоний Муравьев защитил старца. Другой священник М. прибыл на Еловый остров с правителем колоний И. и служителями Компании обыскивать келию отца Германа, предполагая найти у него большое имущество. Когда не нашли ничего ценного, вероятно с дозволения старших, служитель Пономарьков стал топором выворачивать половые доски. «Друг мой, — сказал тогда ему Герман, — напрасно ты взял топор, это орудие лишит тебя жизни». Через короткое время потребовались люди в Николаевский редут и поэтому из Кадьяка послали туда русских служителей, в числе их Пономарькова. Там-то и сбылось предсказание отца Германа: кенайцы ему, сонному, отрубили голову.

Много великих скорбей понес отец Герман и от бесов. Это он сам открыл своему ученику Герасиму, когда тот, войдя к нему в келию без обычной молитвы, на все вопросы свои не получил ответа и на другой день спросил его о причине вчерашнего молчания. «Когда я пришел на этот остров и поселился в этой пустыне, — отвечал ему тогда отец Герман, — много раз бесы приходили ко мне как будто для надобностей то в виде человеческом, то в виде зверей, тогда я много потерпел от них и разных скорбей, и искушений, поэтому-то я теперь и не говорю с теми, кто войдет ко мне без молитвы».

Посвятив себя совершенно на служение Господу, ревнуя единственно о прославлении Его Всесвятого Имени, вдали от родины, среди многообразных скорбей и лишений, десятки лет проведя в высоких подвигах самоотвержения, отец Герман был сподоблен от Господа многих благодатных даров. Среди Елового острова по горе сбегает ручей, устье которого всегда покрыто бурунами. Весной, когда появлялась речная рыба, старец отгребал песок из устья, чтобы можно было пройти рыбе, и рвущаяся на нерест рыба устремлялась в реку. Сушеною рыбою кормил отец Герман птиц, и они во множестве обитали около его келий. Под келией у него жили горностаи. Этот маленький зверек, когда

ощенится, недоступен, а отец Герман кормил его из рук. «Не чудо ли это мы видели?» — говорил его ученик Игнатий. Видели также, что отец Герман кормил медведей. Со смертью старца и птицы, и звери удалились, даже род его не давал никакого урожая, если кто самовольно держал его, утверждал Игнатий. Однажды на Еловом острове сделалось наводнение. Жители в испуге прибежали к старцу, тогда он взял из дома своих воспитанников икону Божией Матери, вынес ее, поставил на мели (лайде) и стал молиться. По окончании молитвы, обратившись к присутствующим, сказал: «Не бойтесь, далее места, где стоит святая икона, не пойдет вода». Исполнилось слово старца. Затем, обещая такую же помощь от святой иконы и на будущее время заступлением Пренепорочной Владычицы, поручил он ученице своей Софье в случае наводнения ставить икону на лайду. Икона эта хранится на острове.

Барон Ф. П. Врангель по просьбе старца писал под его диктовку письмо одному из митрополитов (имя его осталось неизвестно). Когда письмо было окончено и прочитано, старец поздравил барона с чином адмирала. Изумился барон: это для него была новость, которая действительно подтвердилась только через долгое время, при выезде его в Петербург.

Жаль мне тебя, любезный кум, — говорил отец Герман правителю Кашеварову, у которого он принимал от купели сына, — жаль, смена тебе будет неприятная!» Года через два Кашеваров был связан во время смены и отправлен на остров Ситху.

За год до получения в Кадьяке известий о смерти высокопреосвященного митрополита (имя его неизвестно), отец Герман говорил алеутам, что их большой духовный начальник скончался.

«Часто говорил старец, что в Америке будет свой архиерей, тогда как об этом никто и не думал, — рассказывал преосвященный Петр, — но пророчество это в свое время сбылось».

«После смерти моей, — говорил отец Герман, — будет повальная болезнь, и умрет от нее много людей, и русские объединят алеутов». Действительно, кажется через полгода по его кончине, было оспенное поветрие, смертность от которого в Америке была поразительная: в некоторых селениях оставалось в живых только по несколько человек. Это побудило колониальное начальство объединить алеутов. Тогда из двадцати алеутских селений образовалось семь.

«Хотя и много времени пройдет после моей смерти, — говорил отец Герман, — но меня не забудут, и место жительство моего не будет пусто. Подобный мне монах, убегающий славы человеческой, придет и будет жить на Еловом, и Еловый не будет без людей».

«Миленький, — спрашивал отец Герман креола Константина, когда тому было не более двенадцати лет от роду, — как ты думаешь, часовня, которую теперь строят, останется ли втуне?» «Не знаю, апа», — отвечал малютка. «Я, действительно, — говорил Константин, — не понял тогда вопроса, хотя весь разговор со старцем живо запечатлелся в моей памяти». Старец же, несколько помолчав, сказал: «Дитя мое, помни, что на этом месте со временем будет монастырь».

«Пройдет тридцать лет после моей смерти, все живущии теперь на Еловом острове перемрут, ты останешься жив и будешь стар и беден, и тогда вспомнят меня», — говорил отец Герман ученику своему, алеуту Игнатию Алигяге. «Когда я умру, — говорил старец своим ученикам, — вы похороните меня рядом с отцом Иоасафом. Моего быка убейте; мне довольно послужил. Похороните же меня одни и не сказывайте о моей смерти в гавань: гаваньские не увидят моего лица. За священником не посылайте и не дожидайтесь его: не дождетесь. Тела моего не обмывайте, положите его на доску, сложите на груди руки, закутайте в мантию, ее воскрылиями и клобуком покройте мое лицо и голову. Если кто пожелает проститься со мной, пусть целует крест, лица моего никому не показывайте. Опустив на землю, покройте меня бывшим моим одеялом». Приближалось время отшествия старца. В один из дней приказал он ученику своему Герасиму зажечь свечи пред иконами и читать Деяния Апостольские. Через некоторое время лицо его просияло и он громко произнес: «Слава Тебе, Господи!» Потом, приказав прекратить чтение, объявил, что Господу было угодно еще на неделю продлить его жизнь.

Через неделю опять по его приказанию были зажжены свечи и читали Деяния святых Апостолов. Тихо преклонил старец свою голову на грудь Герасима, келия наполнилась благоухания, лицо его просияло, и в то же мгновение отца Германа не стало. Так блаженно почил он сном праведника на восемьдесят первом году своей многотрудной жизни, 13 декабря 1837 года.

Несмотря на предсмертную волю отца Германа, ученики его не решились хоронить старца, не дав о том знать в гавань; неизвестно почему не убили они и быка. Посланный с печальной вестью возвратился из гавани, сообщив, что правитель колонии Кашеваров запретил хоронить старца до его приезда. Там же, в гавани, был заказан для усопшего лучший гроб, который должен был доставить на Еловый священник. Но все эти распоряжения были противны воле почившего. И вот подул страшный ветер, полил дождь, сделалась ужасная буря. Невелик был переезд из гавани на Еловый, всего часа два пути, но никто не решался пуститься в море в такую погоду. Так было целый месяц, и все это время тело отца Германа

лежало в теплом доме его воспитанников, лицо его не изменилось и от тела не было ни малейшего запаха.

Наконец с опытным стариком Козьмою Училищевым был доставлен; из гаваньских никто не приехал, и жители острова одни предали земле бренные останки своего старца. Та исполнилось последнее желание отца Германа. Бык отца Германа на другой день по его смерти ударился головой о дерево и свалился на землю мертвый.

В самый день смерти старца в селении Катани на Афогнаке виден был над Еловым необыкновенный светящийся столб до неба. Пораженные чудесным явлением креол Герасим Вологдин и жена его Анна стали молиться со словами: «Видно отец Герман оставил нас». Этот светящийся столб видели и другие. В тот же вечер в другом селении на Афогнаке видели человека, поднимавшегося к облакам над Еловым островом.

Похоронив старца, ученики поставили над его могилой простой деревянный крест. Позже на этом месте был воздвигнут храм, освященный во имя преподобных Сергия и Германа, Валаамских чудотворцев.
Видев славную подвигами жизнь отца Германа, видев его чудеса, видев исполнение его пророчеств и, наконец, его блаженное успение, «все местные жители, — свидетельствует преосвященный Петр, — вполне уверены в его богоугождении».

В 1842 году, через шесть лет по преставлении старца, плывя морем на Кадьяк и находясь в крайней опасности, высокопреосвященный Иннокентий, архиепископ Камчатский и Алеутский, воззрев на остров Еловый, сказал в уме своем: «Если ты, отец Герман, угодил Господу, то пусть переменится ветер!» И точно, не прошло кажется и четверти часа, рассказывал впоследствии высокопреосвященный, как ветер сделался попутным, и они благополучно пристали к берегу. В благодарность за избавление архиепископ Иннокентий сам отслужил на могиле блаженного панихиду.

В 1867 году один из аляскинских епископов составил записку о житии преподобного Германа и о случаях чудотворения по его молитвам, которые еще долго после его блаженной кончины записывались доброхотами. Впервые житие преподобного Германа было опубликовано на Валааме в 1894 году. В 1927 году русский архимандрит Герасим (Шмальц) прибыл на остров Еловый и остался там до конца своих дней. В 1952 году им были составлены житие и акафист преподобному, а через семь лет им же мощи преподобного Германа были открыты и перенесены в специально построенную небольшую часовню.
9 августа 1970 года, на день памяти святого великомученика и целителя Пантелеимона, на острове Кадьяке было совершено прославление преподобного

Германа. Определением Священного Синода Русской Православной Церкви от 1 декабря 1970 года имя преподобного Германа Аляскинского было включено в месяцеслов. В 1984 году преподобный Герман прославлен вместе со всеми Сибирскими святыми. Его изображение есть на общей иконе Сибирских святых.